А. Мартыновъ

Историческій очеркъ нашихъ порядковъ

Дореформенные порядки и ихъ крушеніе

Berlin

А. Мартыновъ

Историческій очеркъ нашихъ порядковъ

Дореформенные порядки и ихъ крушеніе

Берлинъ
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig

Какъ русскій народъ запрягся на государеву службу.

Въ старину у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, главная масса рабочаго люда были крестьяне, которые все, что имъ нужно было, добывали сами въ собственномъ хозяйствѣ изъ земли и ничего на сторонѣ не покупали: они промышляли рыбой, звѣремъ, разводили пчелъ, пасли скотъ, сами на-дому мяли кожу, пряли, ткали и т. д. Гдѣ лѣсъ и рѣка переставали кормить, крестьяне распахивали землю; не только плуга, но и сохи не всѣ крестьяне знали, пахали копарюгой и мотыкой, землю не удобряли, подъ паромъ земля не отдыхала. Не хитры были пріемы работы и инструменты; ну, да вѣдь не хитры были и нужды тогдашняго крестьянина, про котораго грамотѣи того времени писали, что это смерды, живущіе по звѣриному обычаю. Случалось, что на этихъ людей обрушивалась бѣда: какой-нибудь моръ, неуловъ рыбы, падежъ скота, неурожай и т. д. Въ такихъ случаяхъ, слабосильные хозяева бывали вынуждены закладывать себя за прокормъ болѣе обезпеченнымъ; они шли къ нимъ въ кабалу и становились ихъ рабами, холопами. Но такихъ кабальныхъ людей и холоповъ было мало. Большинство крестьянъ жило почти одинаково, и достатокъ ихъ былъ почти одинаковый, потому что главной кормилицей крестьянина была земля, а земля была всѣмъ доступна. Собственности на землю тогда еще не было. Каждая семья крестьянская сообща владѣла землей, которую она расчистила, а когда семья разросталась въ цѣлый родъ, и земля

переставала кормить, молодые выселялись на новые заимки, либо всѣ перекочевывали.

Какъ ни привольной намъ кажется тогдашняя жизнь крестьянина, но все-жъ таки уже и въ то время вся обстановка, въ которой онъ жилъ и работалъ, пріучала его къ тому, чтобы его водили на помочахъ. Жизнь такого крестьянина зависѣла отъ урожая, отъ улова рыбы, отъ кочевья звѣрей, отъ погоды, словомъ, отъ природы, надъ которой онъ власти не имѣлъ. Его первобытному воображенію казалось, что эта природа населена разными духами, добрыми и враждебными. Надо было всегда быть на-сторожѣ, всегда угадывать, что противъ него эти духи затѣваютъ; они, конечно, оказывались такъ же капризны, какъ сама природа, и, чтобы угадывать ихъ желанія, надо было присматриваться къ тысячѣ разныхъ примѣтъ. Надо вѣкъ прожить, чтобы умѣть разобраться во всѣхъ этихъ примѣтахъ, чтобы умѣть обойти злыхъ духовъ и понимать ихъ волю. На это казались способными только старики, наиболѣе опытные люди, сохранившіе въ памяти преданія старины. Естественно, что среди крестьянъ старики изстари пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ. Живя въ глуши, не видя новыхъ людей, не зная, какъ живется въ другихъ мѣстахъ, крестьяне не имѣли возможности сравнивать то, что они видали, съ тѣмъ, что видали другіе; они поэтому не научались жить своимъ умомъ, а жили по старинкѣ, какъ живали ихъ дѣды и отцы, и то, что имъ говорили старики, то для нихъ былъ законъ. Такимъ образомъ, уже въ глубокой древности надъ крестьянами забрали власть сельскіе старики и родовые старѣйшины. Власть эта не всегда была мягкая; не даромъ еще и теперь крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колючую траву называютъ «дѣдовникъ». Но все-таки пока въ крестьянскихъ волостяхъ правили свои

старшины изъ родичей или односельчанъ, всякое бывало, смотря по человѣку.

Но съ теченіемъ времени необходимость въ защитѣ заставила крестьянъ посадить себѣ на шею болѣе тяжелую власть, власть чужаковъ — князей. Въ тѣ времена народъ жилъ еще не совсѣмъ осѣдло, и много было народу бродячаго. Въ дремучихъ лѣсахъ гуляло не мало разбойниковъ — станичниковъ, которые набирали себѣ изъ молодцовъ дружину и грабили мирныхъ крестьянъ. И теперь еще про нихъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется. Крестьяне, живя разсѣянно по деревнямъ, не могли имъ давать сильнаго отпора; сначала они откупались отъ этихъ станичниковъ; но толку было мало: откупишься отъ одного — нагрянетъ другой. Вотъ и придумали разныя волости призывать къ себѣ на жительство такихъ станичниковъ и рядиться съ ними: мы тебѣ, князь, будемъ всякимъ добромъ дани платить, выдѣлимъ тебѣ и твоимъ дружинникамъ разныя угодья, а ты со своими молодцами охраняй насъ отъ недобрыхъ людей. Захочешь погулять на сторонѣ, пограбить — твоя воля, набирай себѣ охотниковъ, а придутъ насъ грабить — если самъ не оборонишь, мы всѣ ополчимся и подъ твоимъ начальствомъ будемъ обороняться. Такъ пошли на Руси князья — волостели, которыхъ было много, столько же, сколько волостей. И раньше крестьяне привыкли жить подъ опекой стариковъ — старшинъ. Теперь они стали жить подъ опекой князей, которые ими правили и судили, либо сами, либо черезъ своихъ чиновниковъ или, какъ ихъ тогда называли, тіуновъ. Только раньше старшины были свои и правили волостями даромъ — за почетъ; а теперь князья были уже чужаки и правили они вмѣстѣ со своими судьями-тіунами, и боярами-дружинниками за великіе и малые поборы и дани. Все-таки великаго притѣсненія отъ нихъ народу тогда

еще быть не могло, потому что власть ихъ была ограниченная; отъ своевольства ихъ удерживали горожане.

Порядится волость съ княземъ, онъ пріѣзжаетъ со своей дружиной и останавливается станомъ въ какомъ нибудь селеніи. Прежде всего нужно укрѣпиться: станъ огораживался стѣной — кремлемъ; отъ этой городьбы и пошло названіе городъ, что въ старину означало укрѣпленное мѣсто. Имущіе люди больше всего боялись грабежей и охотнѣе всего селились по близости къ городскимъ стѣнамъ, за которыми можно было укрыться отъ опасности. Поэтому около городовъ образовывались посады, въ которыхъ жили и куда пріѣзжали купцы или по старинному «гости». Князю, боярамъ и купцамъ съ ихъ слугами нужно было строиться, обуваться и одѣваться. Это привлекало въ города изъ волостей крестьянъ, искусныхъ въ разныхъ ремеслахъ. Такимъ образомъ, въ округѣ города вырастали слободы, въ которыхъ жило множество свободныхъ отъ дани ремесленниковъ. Всѣ эти горожане, бояре, купцы и ремесленники не давали власти князю; да и понятно. Во 1-хъ все это были люди вольные, свободные отъ податей и свободные отъ многихъ крестьянскихъ предразсудковъ, во 2-хъ они жили тѣсно, скученно и могли при случаѣ давать отпоръ князю; они составляли самостоятельное ополченіе и имѣли даже своихъ самостоятельно избранныхъ военоначальниковъ — тысяцкихъ. Въ виду этого князя были вынуждены дѣлить свою власть съ горожанами. Если нужно было что-нибудь важное предпринять, они собирали горожанъ на сходку, или, какъ въ старину говорили, на «вѣче», и какъ горожане на вѣчѣ постановляли, такъ князь и поступалъ. Если князь, или его слуги-тіуны начинали слишкомъ обирать народъ, слишкомъ притѣснять его, горожане ударяли въ вѣчевой колоколъ, соби-

рались на вѣче, и буйное вѣче нерѣдко рѣшало прогнать князя и выбрать себѣ другого; бывало такъ, что озлобленные горожане убивали своихъ князей.

Благодаря сопротивленію горожанъ, властямъ не удавалось окончательно осѣдлать народъ, покуда всѣ наши княжескія волости не слились въ одно царство, покуда на Руси не утвердилась окончательно самодержавная власть московскихъ царей. Теперь царскіе прихвостни съ легкой руки угодливаго православнаго духовенства стараются убѣдить народъ, что предки русскаго царя — московскіе цари получили власть отъ бога, и потому наши цари помазанники божіи. На самомъ дѣлѣ происхожденіе царской власти гораздо менѣе почетное. Въ старину на Россію совершили нашествіе безчисленныя орды татаръ, вышедшія изъ азіатскихъ степей. Онѣ разгромили всю Россію, — сожгли множество городовъ и въ теченіе двухсотъ лѣтъ послѣ этого держали Россію въ страхѣ и собирали съ нея дань. Послѣ татарскаго нашествія горожане большинства разоренныхъ городовъ разбрелись по деревнямъ, а во многихъ оставшихся городахъ буйное вѣче пріуныло. Россія превратилась въ деревенскую страну. Даже очень много лѣтъ спустя въ русскихъ городахъ числилось еще въ 40 разъ меньше народу, чѣмъ въ деревняхъ, да и въ этихъ малочисленныхъ и малонаселенныхъ городахъ настоящіе горожане — купцы и ремесленники — составляли только пятнадцатую долю городского населенія, а остальные были чиновники и ихъ дворня. Вотъ на этой деревенской почвѣ выросло дерево нашего царскаго самодержавія. Условія жизни деревенскаго населенія пріучаютъ его жить подъ чужой волей, подъ чужой опекой. Православное духовенство, которое отличалось всегда угодливостью къ властямъ, съ своей стороны старалось

укрѣпить въ народѣ чувство покорности. Попы учили, что смиреніе и покорность есть самый вѣрный путь къ царству небесному. Жить своимъ умомъ и имѣть обо всемъ свое мнѣніе — великій грѣхъ. «Всѣмъ страстямъ мати — мнѣніе», говорилось въ старинныхъ духовныхъ поученіяхъ. Татарское нашествіе оказало сильное вліяніе въ томъ-же смыслѣ. Безпомощное русское деревенское населеніе, разсѣянное на большихъ протяженіяхъ, искало себѣ защиты въ сильной власти. Понятное дѣло поэтому, что послѣ татарскаго нашествія деревенская Русь, напуганная басурманами, еще ниже склонила голову, еще охотнѣе, чѣмъ прежде, готова была отдать себя подъ власть князей. Въ виду бѣдственнаго положенія Россіи князья не дремали: пользуясь обезлюденіемъ вольныхъ городовъ и покорностью деревенскаго населенія, князья, никѣмъ не сдерживаемые, перестали совѣщаться съ народомъ въ важныхъ дѣлахъ. Когда князь хотѣлъ вступить въ управленіе какой-нибудь волостью, онъ ужъ не рядился съ народомъ, не спрашивалъ его согласія, а выпрашивалъ себѣ на это разрѣшеніе у татарскаго хана. Московскіе князья, болѣе богатые чѣмъ другіе, всѣми правдами и неправдами прибирали къ своимъ рукамъ русскія волости; они разными подарками и поклонами выпрашивали себѣ у татарскаго хана разрѣшеніе править областями. Такимъ образомъ постепенно власть надъ всѣми русскими княжествами сосредоточилась въ рукахъ московскихъ князей, прозванныхъ собирателями земли русской. Прежніе вольные князья и ихъ дружинники превратились въ слугъ московскаго князя, или какъ тогда говорилось въ служилыхъ людей, а московскій князь сталъ называть себя московскимъ царемъ. Вы видите, что наши цари стали властвовать не по волѣ божьей, а скорѣе ужъ по волѣ татарскихъ хановъ, почему они и

властвовали по татарски. По примѣру своихъ наставниковъ, — татарскихъ хановъ, московскіе цари завели въ Россію лютые порядки; ослушники царскіе наказывались батогами, кнутами, плетьми, за оскорбленіе царскаго величества по тогдашнему закону полагалось вырывать изъ живого мясо клещами. Чтобы утвердить свою самодержавную власть, московскіе цари стали искоренять крамолу. Для нихъ опасны были тѣ изъ бояръ, которые помнили время, когда они сами были князьями, и послѣдніе изъ оставшихся вольныхъ городовъ — Новгородъ и Псковъ. И вотъ московскій царь Иванъ Васильевичъ казнилъ множество бояръ, а затѣмъ собралъ деревенскую рать и пошелъ походомъ на собственные свои города. Новгородъ и Псковъ были разгромлены и 14000 новгородцевъ были сосланы; а чтобы новгородцы не вспоминали про свою старинную волю, царь велѣлъ сослать даже колоколъ, который въ старину собиралъ ихъ на вѣче.

Когда московскіе цари утвердили окончательно свою самодержавную власть, они скоро дали почувствовать народу, какъ легко носить то ярмо, которое народъ покорно на себя надѣлъ. Московскіе цари смотрѣли на Россію, какъ на свое частное хозяйство, какъ на царскую вотчину. Теперь высшее правительство — министерства завѣдуютъ разными отраслями государственнаго управленія: финансами, желѣзными дорогами, народнымъ просвѣщеніемъ, полиціей, иностранными дѣлами и т. д. Тогдашнія же министерства, или, какъ ихъ тогда называли, приказы завѣдывали главнымъ образомъ разными частями хозяйства въ царскомъ дворцѣ. Они тогда такъ и назывались: приказъ большого двора, сытенный приказъ, житенный приказъ и т. д. Поэтому самыми почетными государственными чиновниками тогда считались тѣ, которые стояли въ самомъ близкомъ услуженіи царю, которые подносили ему

блюда, одѣвали его, ѣздили съ нимъ на охоту — окольничьи бояре, посельничьи, сокольничьи, проще говоря, царскіе лакеи. Московскіе цари были не столько правители государства, сколько народные нахлѣбники. Чтобы была возможность содержать огромный царскій дворецъ, цари стали собирать подати съ каждой сохи, наложили пошлины на главные предметы потребленія, напр. на соль. Пятая часть всѣхъ податей шла на содержаніе большого царскаго двора. Кромѣ того 20 городовъ и селъ были выдѣлены исключительно для того, чтобы работать и поставлять продукты на царскій дворецъ. Одного пива выпивалось во дворцѣ царемъ и тысячами дармоѣдовъ — прихлебателей его по 400 ведеръ въ день.

У царя было множество служилыхъ людей — воеводъ, которые командовали царской ратью во время войны и помогали ему держать народъ въ повиновеніи. Для содержанія этихъ служилыхъ людей цари жаловали имъ на время службы помѣстья и волости. Эти помѣстья не были собственностью служилыхъ людей. Въ то время, кромѣ немногочисленныхъ боярщинъ, или боярскихъ вотчинъ, въ Россіи не было еще частной собственности на землю. Земля находилась въ пользованіи крестьянъ, которые ее пахали; называлась эта земля государевой, потому что крестьяне обязаны были съ земли отбывать государственныя повинности. Царь самъ кормился во всей Россіи; онъ жаловалъ своимъ служилымъ людямъ помѣстья и волости не въ собственность, а тоже только для «кормленія». Земля оставалась въ пользованіи крестьянъ, а служилые помѣщики получали право собирать съ крестьянъ своихъ помѣстій всякіе оброки и поборы всевозможными продуктами. Крестьяне работали, какъ волы и придумывали только средство, какъ бы лучше приспособиться къ ярму. Раньше земля была

для крестьянина кормилицей; теперь она стала обузой. Поэтому крестьяне того времени прозвали свое хозяйство тягломъ: вмѣсто того, чтобы говорить — я веду хозяйство, они говорили — я тяну тягло; а для того, чтобы это тягло равномѣрно ложилось на всѣхъ, и чтобы никто не избавлялся отъ платежа податей по своимъ силамъ, чтобы никто не «обѣлялся отъ податей», крестьяне придумали время отъ времени равнять землю, т. е. передѣлять ее между крестьянскими дворами по количеству работниковъ во дворѣ. Сколько бы тамъ ни было ѣдоковъ, тѣ дворы, которые имѣли больше работниковъ, должны были больше платить и получали большіе надѣлы, а малопомощные дворы получали меньшіе надѣлы. За правильное поступленіе податей крестьяне отвѣчали за круговой порукой. Такъ крестьяне приспособлялись къ хомуту, который на нихъ надѣли цари и царскіе служилые люди. Но алчность угнетателей народныхъ росла. Чѣмъ мельче былъ служилый воевода, чѣмъ меньше крестьянъ было въ его помѣстьи, тѣмъ больше онъ дралъ съ каждаго крестьянина. Крестьянамъ становились не втерпежъ; они покидали земли свои, переходили отъ мелкихъ служилыхъ людей къ болѣе богатымъ, которые могли довольствоваться меньшими оброками. Многіе вовсе старались уходить изъ подъ власти московскаго царства, боясь Москвы, какъ чумы: они расчищали себѣ заимки въ дремучихъ лѣсахъ, вдали отъ хищныхъ взглядовъ царскихъ слугъ. Многіе уходили въ привольныя приднѣпровскія, придонскія степи и заживали вольной казацкой жизнью. Такъ образовалось запорожское и донское казачество, которое своими смѣлыми набѣгами нагоняло страхъ на Польшу, на татаръ и на турокъ. Помѣщики — воеводы, особенно мелкіе, жаловались царямъ «били имъ челомъ», что деревни-де ихъ обезлюдѣли, что имъ

не съ кого кормиться, некого стало обирать. Цари, внимая жалобамъ своихъ вѣрныхъ слугъ, стали запрещать крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто. Съ теченіемъ времени крестьяне были совсѣмъ прикрѣплены къ землѣ. Такъ въ Россіи утвердилось крѣпостное право. Правда тѣ крестьяне, которые жили подальше отъ Москвы, на понизовьяхъ Волги и Урала, не такъ скоро и легко дали себя запречь. До сихъ поръ еще въ пѣсняхъ поется про славнаго атамана Стеньку Разина, который 200 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, при царѣ Алексѣѣ поднялъ волжскихъ крестьянъ, завоевалъ Астрахань, поднялся на лодкахъ вверхъ по Волгѣ, перебилъ бояръ и думалъ даже тряхнуть Москвой. Но царская рать разбила молодцовъ Стеньки, потому что крестьяне, шедшіе въ царской рати, остались преданными царю: они были хорошо пріучены къ покорности царскими плетями и поповскими рѣчами.

Я разсказывалъ, какъ деревенская Русь, разсѣянная на огромномъ протяженіи, ища защиты отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ неурядицъ, постепенно подпадала подъ власть сначала князей, а потомъ московскихъ царей и ихъ служилыхъ людей. Для поддержанія московскаго царства русское крестьянство было запряжено въ государственное тягло. Но московскіе цари не закончили строенія русскаго государства, и народу предстояло еще больше напрячь свои силы для отбыванія государственной службы. Съ запада Россіи угрожали шведы, литовцы, нѣмцы. Они значительно превосходили Россію и промышленностью и образованностью; сравниться съ ними Россіи было трудно, потому что хозяйничавшіе у насъ московскіе цари, заботясь только объ увеличеніи царскаго могущества, не давали передохнуть народу, не давали окрѣпнуть народному хозяйству. Царь Петръ Алексѣевичъ, вступившій на престолъ въ 1662 году, въ этомъ

отношеніи остался вѣренъ своимъ предкамъ. Какъ только молодой царь оперился, онъ погналъ тощую русскую клячу въ гору, а когда оказалось, что она не везетъ, онъ долго не задумывался, онъ лишь крѣпче потянулъ возжи и сталъ безпощадно бить клячу по ребрамъ. Отсталому русскому народу при Петрѣ была поставлена нелегкая задача — расширить предѣлы русскаго царства до Балтійскаго моря. Чтобы рѣшить эту мудреную задачу, царь Петръ значительно увеличилъ тяготы, лежавшія на рабочемъ народѣ и принудилъ къ обязательной царевой службѣ не только крестьянъ, но и дворянъ и купцовъ. Такъ онъ завершилъ дѣло своихъ предковъ и превратилъ всю Россію, снизу до верху, въ крѣпостную. Петръ Алексѣевичъ былъ самый умный, энергичный изъ русскихъ царей; онъ хорошо понималъ, что намъ не кичиться передъ иностранцами, а учиться у нихъ слѣдуетъ. Уже задолго до Петра торговыя сношенія начали сближать Россію съ западной Европой. Къ намъ изъ Европы стали постепенно проникать иноземные нравы и европейская образованность. Петръ сразу понялъ цѣну этой образованности и съ первыхъ же шаговъ объявилъ войну на смерть старинному московскому невѣжеству. За это его многіе прозвали Великимъ. Но на бѣду этотъ великій человѣкъ былъ русскимъ царемъ, и какъ настоящій русскій царь, онъ былъ жестокій, грубый деспотъ. Считая себя земнымъ богомъ, онъ полагалъ, что люди могутъ стать образованными по его царскому повелѣнію, подъ страхомъ казни. Самую образованность европейскую онъ насаждалъ не для этого, чтобы смягчить дикіе московскіе нравы, а для того лишь, чтобы увеличить силу и могущество своей царской державы. Къ этому были направлены всѣ его помыслы. Онъ началъ съ того, что поѣхалъ на выучку къ иностранцамъ, къ голландцамъ. Пріѣхавши домой, онъ

построилъ на берегу моря, поближе къ иностранцамъ, городъ Петербургъ, перевелъ туда столицу изъ Москвы, сталъ именовать себя не по старинному московскимъ царемъ, а русскимъ императоромъ, приказалъ приближеннымъ одѣваться на нѣмецкій ладъ, брить бороды и носить короткіе сюртуки. Но сосѣди наши были сильны не бритыми подбородками и не сюртуками. Чтобы поравняться съ ними силой, надо было имѣть хорошо обученное войско, хорошій флотъ, хорошую артиллерію, а чтобы снарядить и одѣть это войско, надо было располагать рудниками, чугунолитейными, пушечными заводами, суконными и канатными фабриками, корабельными верфями и проч. У иностранцевъ все это было, потому что у нихъ были богатые промышленные города и ученые люди. У насъ же главная масса народа былъ темный деревенскій людъ. Все, что оставалось отъ его трудовъ, забирали себѣ и съѣдали безъ остатка цари и ихъ слуги — шляхта, дворяне. Про нихъ то иностранцы и сложили поговорку: «веселіе есть на Руси ясти и пити». Для того, чтобы создать и содержать для славы русскаго императора могущественную армію, нужно было силой выколачивать изъ деревенскаго рабочаго люда средства, и царь сталъ выколачивать. Раньше подати собирались только съ тягла — со взрослыхъ работниковъ; Петръ-же ввелъ подушную подать, которая собиралась со всякой крестьянской души, даже съ младенцевъ, а чтобы никто не могъ избавиться отъ платежа податей, заведены были ревизіи, т. е. періодическія переписи населенія. Такъ царская казна обогащалась потомъ и кровью народнаго труда. Обогативши казну, царь сталъ разрабатывать на Уралѣ рудники и строить заводы. Для обезпеченія ихъ рабочими къ нимъ были прикрѣплены крестьяне, которые изъ году въ годъ подъ палкой добывали руду и отливали пушки для

царя. Царь давалъ изъ казны громадныя пособія купцамъ и заставлялъ ихъ строить суконныя фабрики, и къ этимъ фабрикамъ онъ тоже прикрѣплялъ крестьянъ. Онъ завелъ среди крестьянъ постоянные рекрутскіе наборы и заставилъ всѣхъ дворянъ отбывать офицерскую или чиновничью службу. Для того чтобы обучать солдатъ строю иноземному, для того чтобы завѣдывать работами на фабрикахъ и заводахъ, Петръ всякими милостями и наградами завлекалъ въ Россію иностранныхъ ученыхъ, офицеровъ и мастеровъ. Россія тогда слыла у иностранцевъ за дикую страну. Понятное дѣло, что лучшимъ людямъ изъ иностранцевъ тогда не было охоты ѣхать на далекую чужбину въ московское царство. Поэтому на призывъ царя Петра въ Россію потянулась хищная стая людей, которые за негодностью мѣста себѣ не находили на родинѣ, которые не знали русскаго языка и презирали русскій народъ. Они норовили только скорѣе въ Россіи нажиться, нахватать орденовъ и чиновъ и вернуться домой во-свояси.

Подъ надзоромъ и руководствомъ этого отброса изъ иностранцевъ народъ запрягся въ каторжную работу для того, чтобы создать богатство и силу русской державы.

Дворянская монархія и крѣпостное крестьянство.

I.

Экономическія причины освобожденія отъ принудительной государственной службы.

Къ концу царствованія Петра Алексѣевича (1725 г.) всѣ сословія въ Россіи и низшія и высшія, привиллегированныя должны были принудительно отбывать государственное тягло: дворяне обязаны были пожизненно служить во флотѣ, въ арміи или въ канцеляріяхъ; фабриканты обязаны были изготовлять заказы для войска и флота, а крестьяне должны были крѣпко сидѣть на своихъ мѣстахъ, кормить своимъ трудомъ всѣ высшія государственныя сословія, подъ ихъ началомъ работать въ полѣ и на заводахъ, подъ ихъ началомъ проливать кровь на войнѣ. Царское правительство для укрѣпленія русскаго государства должно было стремиться къ закрѣпощенію всѣхъ сословій, потому что оно предъявляло громадныя требованія народу, а средства народныя были очень скудныя. Въ московской Россіи городской промышленности почти совсѣмъ не было, земледѣліе было въ состояніи первобытномъ, въ громадныхъ районахъ преобладало подсѣчное хозяйство надъ трехпольнымъ, а значительная часть крестьянскаго населенія даже и этого земледѣльческаго хозяйства не знала и кормилась главнымъ образомъ отъ лѣсныхъ и рыбныхъ промысловъ. Московскому государству было выгодно закрѣпощеніе сословій, и оно имѣло средства, чтобы провести это въ жизнь. Русскій народъ въ то время

былъ не вполнѣ еще осѣдлый; передвиженіе на новыя мѣста, колонизація незаселенныхъ степей — была еще въ 17-мъ столѣтіи въ полномъ ходу. При такихъ условіяхъ масса русскаго населенія живо ощущала потребность въ государственной охранѣ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ нападеній и громко высказывала эту потребность во время смутъ и междуцарствій. Поэтому народъ сравнительно легко далъ запрячь себя на службу государству и болѣе или менѣе покорно носилъ государственное тягло, какъ оно ни было тяжело для него.

Но съ теченіемъ времени условія народной жизни стали мѣняться, средства народныя стали увеличиваться. Въ Россіи стала зарождаться промышленность. Отъ Петра до Екатерины II-ой (1725 до 1792 г.) количество фабрикъ въ Россіи утроилось. Великорусскіе крестьяне, сидѣвшіе на худой землѣ, не имѣя возможности отбывать повинности съ одного хлѣбопашества, стали въ долгія русскія зимы заниматься разными кустарными промыслами. Они плохо работали при царѣ Петрѣ на фабрикахъ подъ палкой заморскихъ мастеровъ, но они охотно перенимали у нихъ искусство и насаждали новыя ремесла у себя въ деревнѣ. Въ черноземныхъ губерніяхъ населеніе увеличивалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшалось хлѣбопашество и развивались лѣсные промыслы. Вмѣстѣ съ развитіемъ промысловъ увеличивалась и торговля русская. Въ 1718 году при царѣ Петрѣ русскихъ припасовъ и сырья заграницу вывозилось на два съ половиной мил. рублей, а въ 1762 году при вступленіи на престолъ Екатерины II-ой вывозилось уже на одиннадцать мил. руб. Съ развитіемъ промысловъ трудъ крестьянина становился доходнѣе; поэтому въ началѣ царствованія Екатерины помѣщики покупая крестьянскую душу, платили за нее сто руб. на тогдашнія деньги, а лѣтъ черезъ тридцать, въ концѣ царствованія Екате-

рины крѣпостной крестьянинъ уже обыкновенно цѣнился въ 300 руб. Царское правительство зорко слѣдило за увеличеніемъ промысловъ и торговли въ Россіи, чтобы обогатить свою казну. Съ Петра до Екатерины доходы выросли съ полутора мил. руб. до 19 мил. рублей и продолжали расти. По мѣрѣ увеличенія торговыхъ оборотовъ понадобилось больше денегъ. Правительство Екатерины стало выпускать и расплачиваться бумажными ассигнаціями: сначала ихъ было выпущено на одинъ милліонъ, черезъ 12 лѣтъ на 20 мил., затѣмъ на 100 мил., затѣмъ на полтораста милліоновъ. Бумажныхъ денегъ оказалось слишкомъ много, цѣна бумажнаго рубля упала, а цѣны всѣхъ продуктовъ поднялись; всякій, у кого была бумажка въ карманѣ, потерялъ, а казна даромъ обогатилась. Правительство видѣло, что крестьянинъ сталъ больше вывозить продуктовъ на базаръ, у него завелись денежки; надо было базарную получку перехватить, и вотъ правительство отдало на откупъ винную торговлю. Откупщики понастроили кабаки, въ которыхъ подкарауливались мужички, возвращающіеся съ базара. Отъ этихъ винныхъ откуповъ правительство въ началѣ царствованія Екатерины получало доходу 6 мил. рублей, черезъ 20 лѣтъ доходъ этотъ возросъ до 9 мил. рублей, а еще черезъ 10 лѣтъ питейный доходъ казны уже составлялъ 24 мил. рублей. Вы видите, что ко времени царицы Екатерины II-ой хозяйство народное поправилось, и доходы казны сильно увеличились. Народъ могъ бы свободнѣе вздохнуть, не смотря на всю хищность государства. У казны завелись деньги на содержаніе арміи и флота, поэтому не было больше надобности всѣхъ дворянъ неволить къ военной или къ гражданской службѣ, а тѣ, которые служили, тѣмъ было на что жалованье платить. При такихъ условіяхъ не было также на-

добности офицеровъ и чиновниковъ сажать на шею крестьянамъ, давать имъ въ пожизненное пользованіе помѣстья и держать крестьянъ на привязи, чтобы они кормили помѣщиковъ, отбывающихъ государеву службу. Наступила пора для облегченія принудительнаго государственнаго тягла, тяготѣвшаго надъ всѣмъ народомъ, пора для раскрѣпощенія всѣхъ сословій. Увеличившаяся доходность труда народнаго создала болѣе льготныя условія жизни въ Россіи. Кто-же этимъ воспользовался? Вопросъ этотъ практически разрѣшило самодержавное правительство, которое народъ сдѣлалъ вершителемъ своихъ судебъ. Чтобы понять, чѣмъ самодержавіе руководилось при рѣшеніи этого вопроса, намъ нужно вернуться нѣсколько назадъ и познакомиться съ тѣмъ, какъ сложилась жизнь господствующихъ классовъ въ Россіи въ то время.

II.

Какъ возникъ разладъ между самодержавіемъ и простонародьемъ.

Въ старину, во время московскихъ царей, вся Русь чтила уставъ жизни, который проповѣдывала церковь православная. Этотъ уставъ училъ русскихъ людей жить благочестиво, въ страхѣ божіемъ и въ повиновеніи къ старшимъ, не угождать своей плоти и проводить досугъ въ постѣ и въ молитвенномъ бдѣніи. Ни въ одной странѣ не стоялъ такой неумолкаемый колокольный звонъ церквей, какъ у насъ на святой Руси. Въ одной Москвѣ иностранцы тогда насчитывали болѣе 2000 церквей. Всякое невинное увеселеніе считалось благочестивыми людьми того времени за грѣхъ. Православная церковь хотѣла превратить всю Россію въ монастырь, а всѣхъ русскихъ людей въ монаховъ. Но еслибы всѣ люди превратились въ монаховъ, то жизнь-бы прекратилась, а людямъ жить хочется. Поэтому люди въ

старину наблюдали уставъ только наружно, на показъ, и чѣмъ больше они выказывали наружнаго благочестія, тѣмъ больше они втайнѣ грѣшили. Многое изъ того, что могло-бы смягчить и украсить жизнь, еслибы это дѣлалось открыто на виду у людей, благодаря строгимъ правиламъ жизни, подъ покровомъ тайны, принимало формы дикія, грубыя и безстыдныя. Изъ наружнаго благочестія прежній русскій человѣкъ обвѣшивалъ всѣ стѣны своей избы иконами. Но отъ этого вѣра людей не крѣпла, а лишь грубѣла. Русскіе люди съ теченіемъ времени стали почитать иконы, внѣшнія изображенія святыхъ, за боговъ. Строгій церковный уставъ требовалъ, чтобы человѣкъ убивалъ свою плоть постами. И что-же? Въ масляницу мясо считалось поганымъ на Руси; но это не мѣшало русскому человѣку въ ту же масляницу объѣдаться другими блюдами на-отвалъ. И вообще ни въ одной странѣ не было такого повальнаго пьянства, какъ въ нашей благочестивой Руси. Строгіе наставники жизни въ своихъ поученіяхъ всегда твердили, что пѣніе, танцы и театральное представленіе есть дѣло бѣсовское, сатаническое. Вслѣдствіе этого развлеченія, которыя теперь смягчаютъ нравы людей, въ старину пріобрѣтали лишь соблазнительную прелесть грѣха и воспитывали нравы жестокіе и разнузданные. Всѣ русскіе люди отъ мелкаго служилаго человѣка до царя потѣшались дураками, шутами, калѣками и уродами, кулачными боями и безстыдными скоморохами. Театральное представленіе, или по старинному «позорище», считалось великимъ грѣхомъ, а наглый развратъ въ банѣ былъ дѣломъ обычнымъ. Для охраненія чести женщинъ богатые люди держали ихъ взаперти и въ теремахъ, а поучать жену плетью не считалось для нея безчестьемъ. Отъ такой теремной жизни русскія женщины не дѣлались цѣломудреннѣе. Из-

вѣстно, что нигдѣ на свадьбахъ не распѣвались такія срамныя пѣсни, какъ у насъ на Руси. Такъ жили у насъ въ старину, особенно высшіе классы. Чѣмъ больше было ихъ невѣжество, тѣмъ больше они кичились передъ иностранцами своими православными обычаями.

Но съ теченіемъ времени, къ намъ незамѣтно стали проникать европейскія понятія, европейская образованность и обычаи. Какъ я уже говорилъ, царь Петръ Алексѣевичъ въ поискахъ за средствами для усиленія русскаго государства рѣшительно сталъ на сторону этой европейской образованности. Онъ понялъ, что противъ европейцевъ можно бороться только ихъ же оружіемъ. Съ самаго же начала вступленія своего на престолъ онъ сталъ безпощадно издѣваться надъ обычаями московской старины и со свойственнымъ ему деспотизмомъ рѣшилъ сразу перерядить окружающихъ его людей въ иностранцевъ. Дворянство, окружавшее престолъ, скрѣпя сердце надѣвало на себя нѣмецкую маску, оставаясь по существу такимъ-же грубымъ и невѣжественнымъ, какъ и московское служилое сословіе. Но этотъ маскарадъ не прошелъ безслѣдно; между прочимъ онъ на долгое время измѣнилъ отношеніе простонародья къ правительству и правящимъ классамъ.

Покуда на русскомъ крестьянствѣ ѣздили православные цари и православные бояре, жившіе по стариннымъ русскимъ обычаямъ, носившіе длинные кафтаны и бороды, крестьяне по невѣжеству своему болѣе или менѣе покорно терпѣли это, вѣря, что это такъ уже богомъ установлено, чтобы власти ими помыкали. Правда, народъ чувствовалъ гнетъ властей, не разъ ему становилось не втерпежъ, не разъ народный гнѣвъ обрушался на царскихъ воеводъ. Даже при отцѣ Петра, при «тишайшемъ» царѣ Алексѣѣ было не мало бунтовъ. Случалось,

что цѣлые города на время отпадали отъ Москвы, какъ напримѣръ, Псковъ. Но все-таки-жъ народъ обыкновенно готовъ былъ постоять за царя и за царскихъ воеводъ, потому что считалъ ихъ своими защитниками отъ внѣшнихъ враговъ, а страхъ передъ иноземцами пересиливалъ въ народѣ недовольство слугами царскими. Но со времени Петра царь и дворяне сами зажили на иноземный ладъ. Наскоро нахватанная и насильно навязанная европейская образованность, правда, только поверхностно коснулась жизни царя и дворянъ, окружавшихъ престолъ, но за то по внѣшней жизни они теперь стали рѣзко отличаться отъ простонародья. Ничто ихъ теперь съ простонародьемъ не связывало, и они стали смотрѣть на него съ презрѣніемъ, какъ на черную кость. Народъ видѣлъ, что защитники его отъ басурмановъ сами превратились въ тѣхъ же басурмановъ, и среди него зародилось глухое недовольство. Болѣе смѣлые начали бунтовать; но такихъ смѣлыхъ было мало, и царь безъ труда съ ними расправлялся: бунтовщикамъ отрубали головы и понатыкали на заборы, чтобы другимъ не повадно было. Большинство-же крестьянъ, привыкшихъ во всемъ, и въ добрѣ, и въ злѣ, ссылаться на бога, рѣшили, что, видно, царь Петръ имъ посланъ за грѣхи. Стали поговаривать, что Петръ антихристъ, и что скоро наступитъ конецъ свѣта. Противъ бога ничего не подѣлаешь, рѣшили они; бороться тутъ безполезно, а нужно скорѣе спасти душу въ ожиданіи страшнаго суда. Среди крестьянъ образовались секты бѣгуновъ и странниковъ, которые массами уходили въ лѣса, ложились въ гробы и ожидали свѣтопреставленія. Многіе, которымъ не терпѣлось, сжигали себя живьемъ; до двадцати тысячъ человѣкъ такимъ образомъ сожгли себя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ возникъ разладъ между простонародьемъ и господствующими классами.

III.

Какъ дворянство стало опорой престола.

Пока царь и высшія классы жили по тому же обычаю и имѣли тѣ-же понятія, что и простонародье, народъ, какъ я говорилъ уже, смотрѣлъ на царя, какъ на защитника православной Руси отъ басурманъ и готовъ былъ стоять за него не только за страхъ, но и за совѣсть. Когда же царь и высшіе классы перерядились сами въ басурмановъ, отношеніе народа къ престолу измѣнилось. У простонародья не поколебалась вѣра въ необходимость царской власти, но возсѣдавшіе на престолѣ цари имъ казались теперь не настоящими. Народъ продолжалъ трепетать передъ царской властью, глядя на измѣну царя старинѣ, какъ на напасть божью. При этомъ прежняя личная привязанность простонародья къ московскимъ царямъ на долгое время смѣнилась равнодушной покорностью. А извѣстно, какъ бываетъ, когда люди повинуются только изъ-подъ палки. Въ такихъ случаяхъ, кто взялъ палку въ руки, тотъ и капралъ. Такъ оно и вышло у насъ. Съ 1725 года, послѣ смерти царя Петра Алексѣевича, въ теченіе долгаго времени ни одинъ царь прочно не сидѣлъ на престолѣ. Разные кружки дворянской знати и гвардіи, стоявшіе близко къ престолу, по своему произволу выбирали царей, ставили имъ разныя условія и низвергали ихъ съ престола, а народъ относился ко всѣмъ этимъ дворцовымъ переворотамъ довольно безучастно. Первый примѣръ дворцоваго переворота показалъ самъ Петръ. Онъ посадилъ въ крѣпость своего единственнаго наслѣдника, нелюбимаго сына Алексѣя Петровича. Царевичъ Алексѣй былъ замученъ въ крѣпости, и это никакихъ волненій въ народѣ не вызвало. По смерти Петра одна партія дворянства вмѣстѣ съ сенатомъ возвели на престолъ его жену

Екатерину 1-ю. Нѣкоторые изъ вельможъ хотѣли уже при самомъ вступленіи ея на престолъ ограничить ея власть; другіе воспротивились. Она сѣла на престолъ, какъ самодержавная царица. Все-таки знатнымъ дворянамъ, засѣдавшимъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, удалось, какъ они выражались, «облегчить Ея Величество въ тяжеломъ бремени правленія». Проще говоря, они обуздали ея самодержавную власть и добились, чтобы ни одинъ царскій указъ не былъ изданъ безъ подписи членовъ верховнаго тайнаго совѣта. Въ 1730 году, по смерти малолѣтняго Императора Петра II-го, верховный тайный совѣтъ рѣшилъ поднести царскую корону племянницѣ Петра I-го, Аннѣ Ивановнѣ. Но при этомъ случаѣ знатные дворяне, засѣдавшіе въ верховномъ совѣтѣ, рѣшили, что «надобно себѣ полегчить, себѣ воли прибавить». Поэтому они, приглашая Анну на престолъ, поставили ей условія: Она должна «наикрѣпчайше обѣщать» безъ верховнаго совѣта 1) никому войны не объявлять, 2) новыхъ податей не налагать, 3) никого на главныя государственныя должности не назначать, 4) никому помѣстій не жаловать, 5) казенныхъ денегъ не расходовать, а также 6) безъ суда ни одного дворянина не наказывать. Анна Ивановна, не видя себѣ поддержки ни откуда, присягнула на этихъ условіяхъ, но сейчасъ же начала мутить рядовое дворянство: вельможи, дескать, забрали себѣ большую власть и васъ станутъ притѣснять. Она разсчитывала, что мелкіе дворяне помогутъ ей избавиться отъ непріятныхъ условій, а они вмѣсто того и съ своей стороны стали предлагать ей условія. Они требовали, чтобы она свято соблюдала подписанные ею пункты, но чтобы уступки, которыя она сдѣлала знати, простирались на всѣхъ дворянъ, чтобы въ совѣтѣ засѣдали выборные отъ всѣхъ дворянъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней къ царицѣ поступили такихъ 12 проэк-

товъ отъ дворянъ съ тысячью подписей. Видя, что дѣло плохо, Анна Ивановна стала привлекать на свою сторону гвардію, осыпая ее великими щедротами. Подкупленная гвардія отстояла самодержавіе царицы. Черезъ мѣсяцъ послѣ подписанія условій, она ихъ торжественно разорвала при громкихъ и восторженныхъ крикахъ гвардейскихъ офицеровъ. Вы видите, насколько цари зависѣли отъ разныхъ дворянскихъ кружковъ въ то время. Но и тогда, когда имъ удавалось усѣсться, они не могли еще быть спокойны. Сейчасъ же по вступленіи царя или царицы на престолъ, та или другая недовольная обдѣленная дворянская партія начинала обыкновенно сейчасъ же раскидывать сѣти. Царь въ эти сѣти попадался, его низвергали съ престола, засаживали въ крѣпость, а тамъ вѣрные люди новаго царя его приканчивали. Царевичъ Алексѣй былъ убитъ по волѣ отца, а цари Иванъ Антоновичъ, Петръ Федоровичъ, а впослѣдствіи Павелъ были убиты по проискамъ дворянъ. Народъ на всѣ эти перевороты смотрѣлъ равнодушно: пусть, дескать, господа дерутся; одинъ другого стоитъ.

Престолъ царскій надолго лишился поддержки народа и сталъ игрушкой въ рукахъ разныхъ кружковъ дворянской знати и дворянской гвардіи. Эти кружки получили большую силу въ государствѣ; со смерти Петра I-го до Екатерины II-ой всѣ цари были ихъ ставленниками. Царямъ надо было подумать, какъ лучше укрѣпить свою власть, надо было искать себѣ въ комъ-нибудь прочную опору. Особенно должна была надъ этимъ задуматься императрица Екатерина II-я. Во 1-хъ она родомъ была нѣмка, и потому самому уже не могла разсчитывать на особенное довѣріе со стороны народа, во 2-хъ она вступила на престолъ насильственно, низвергнувши съ престола при помощи любимцевъ своего мужа, царя Петра Федоровича. Петръ Федоровичъ былъ

посаженъ въ крѣпость и убитъ, а жена его, Екатерина, стала самодержавной царицей. Но она хорошо понимала опасность своего положенія: если одинъ дворянскій кружокъ возвелъ ее на престолъ, то другой можетъ ее прогнать. Надо было заручиться дружбой всего россійскаго дворянства. Но какъ бы это сдѣлать, не поступившись въ пользу дворянъ своей самодержавной властью? Рѣшеніе этой загадки подсказывалось самой жизнью. Вспомните, что мы говорили въ началѣ этой главы. Я тамъ объяснилъ, что экономическое (хозяйственное) развитіе Россіи сдѣлало излишней принудительную дворянскую службу. Ко времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины казна царская была настолько богата, и военная техника была настолько развита, что правительство не нуждалось уже въ служиломъ сословіи и могло содержать вольныхъ офицеровъ и вольныхъ чиновниковъ на жалованіи. Прикрѣпленіе дворянскаго сословія къ военной профессіи стало не только лишнимъ, но уже на дѣлѣ фактически отмѣнялось самой жизнью. Несмотря на обязательность дворянской службы по закону, значительная часть дворянства фактически уклонялась отъ нея, или, какъ тогда говорили, состояла «въ нѣтяхъ». Дворянство нетерпѣливо ждало освобожденія отъ обязательной службы, и уже царю Петру Федоровичу былъ подсунутъ для подписи указъ объ этомъ. Петръ Федоровичъ, забавляясь со своей возлюбленной, не читая, подписалъ этотъ указъ. Но серьезно взялась за это дѣло Екатерина II-я, искавшая средства привязать къ себѣ россійское дворянство. Она предоставила дворянству всѣ тѣ выгоды отъ экономическаго развитія Россіи, которыя были добыты потомъ и кровью всего трудящагося населенія. Она издала извѣстную грамоту о вольности дворянской. Дворяне были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и отъ

обязательной военной и гражданской службы. Имъ было разрѣшено судиться своими выборными дворянскими судами; учреждены были губернскія и уѣздныя дворянскія собранія, на которыхъ дворяне могли собираться для обсужденія своихъ дворянскихъ нуждъ и для завѣдыванія своими общими дѣлами.

При московскихъ царяхъ дворяне (служилые люди) получали помѣстья только на время службы въ видѣ жалованья за службу. Ясное дѣло, что когда Екатерина освободила дворянъ отъ обязательной государственной службы, у нихъ должны были быть отняты и помѣстья, и крестьяне должны были быть освобождены отъ повинностей въ пользу помѣщика. Но Екатерина, освободивши дворянъ отъ всякихъ обязанностей, еще значительно увеличила ихъ права. Они стали полными наслѣдственными собственниками своихъ помѣстій и прикрѣпленныхъ къ нимъ крестьянъ. Вмѣсто того, чтобы освободить крѣпостныхъ, она и вольныхъ крестьянъ раздаривала своимъ благопріятелямъ изъ дворянъ. Вся Украйна, всѣ малороссійскіе крестьяне были при ней закрѣплены за дворянами. Екатерина и ея ближайшіе преемники Павелъ и Александръ I-ый раздарили дворянамъ полтора милліона крестьянъ, превращая однимъ почеркомъ пера всѣхъ этихъ вольныхъ людей въ рабовъ.

Такимъ образомъ въ нашихъ законахъ окончательно утвердилось безсмысленное и противоестественное право собственности на землю тѣхъ, которые ее никогда не расчищали, не распахивали. Земля по исконному понятію крестьянъ принадлежитъ тому, кто на ней работаетъ. Они называли эту землю государевой, потому лишь, что съ нея отбывались государственныя повинности. Теперь законъ призналъ эту землю дворянской собственностью. Крестьяне долго не могли понять этого

закона и даже не вѣрили въ его существованіе, считая его обманомъ. Но нужды мало, власти его признавали. Черезъ 50 съ лишнимъ лѣтъ послѣ объявленія вольности дворянской императоръ Николай I-й въ одной рѣчи своей заявилъ съ увѣренностью: «земля, заслуженная нами дворянами, или предками нашими, есть наша дворянская».

Утвержденное закономъ право собственности дворянъ на землю имѣло печальныя послѣдствія для крестьянъ. Раньше царское правительство прикрѣпило крестьянъ къ землѣ и зорко слѣдило, чтобы крестьянинъ сидѣлъ на своемъ надѣлѣ и отбывалъ повинности въ пользу государства и въ пользу служилыхъ государевыхъ людей. Теперь, когда правительство подарило помѣстья въ полную собственность дворянамъ, оно перестало безпокоиться о томъ, чтобы крестьянинъ имѣлъ свой надѣлъ. Пусть только дворянинъ внесетъ подати за своихъ крестьянъ, затѣмъ пусть дѣлаетъ съ ними, что хочетъ. Дворяне стали смотрѣть на своихъ крестьянъ, какъ на свое имущество. Избавленные отъ непріятной обязанности служить, помѣщики средней руки уѣхали изъ городовъ въ свои усадьбы, на покой. Тамъ, живя по близости отъ своихъ рабовъ, они не довольствовались опредѣленнымъ оброкомъ, а старались подъ личнымъ наблюденіемъ выжимать изъ крестьянъ разными работами и продуктами все, что возможно. Они отрывали крестьянъ отъ хозяйства, заводили себѣ изъ крѣпостныхъ всевозможныхъ мастеровъ, ремесленниковъ, музыкантовъ, охотниковъ, псарей, забирали къ себѣ крестьянскихъ дѣвушекъ для разврата. Помѣщики окружали себя огромной дворней; у дворовныхъ не было ни кола, ни двора, ни хозяйства. У одного изъ любовниковъ Екатерины, Орлова, было 500 человѣкъ дворни. Помѣщики уже не обязаны были обезпечить за крестьянами надѣлъ, а потому они стали продавать

крестьянъ на сторону безъ земли вмѣстѣ со скотомъ и борзыми щенками; мужа или отца продадутъ одному сосѣду, а жену или дѣтей другому. Болѣе жестокіе помѣщики безнаказанно истязали крестьянъ, сѣкли ихъ на конюшняхъ, гладили горячими утюгами, ссылали по своему произволу въ Сибирь, отдавали въ солдаты. Такимъ образомъ, въ концѣ 18 столѣтія, въ то время, когда экономическое развитіе Россіи позволяло снять съ народа принудительное государственное тягло, царское правительство, желая заручиться дружбой и поддержкой дворянства, окружавшаго престолъ, окончательно продало этому дворянству крестьянъ въ вѣчное рабство. Съ тѣхъ поръ дворяне окончательно превратились изъ государственнаго служилаго сословія въ благородное сословіе землевладѣльцевъ, т. е. въ сословіе праздныхъ людей, которымъ не нужно ни служить, ни работать, ни умѣть за какое бы то ни было дѣло браться. Царь, льстя дворянамъ, сталъ именовать себя первымъ русскимъ дворяниномъ. Крестьяне изъ государственнаго сословія, прикрѣпленнаго къ землѣ для отбыванія повинностей, превратились въ подлое сословіе помѣщичьихъ рабовъ. Государственная же земля превратилась въ собственность дворянскую.

Такъ крестьяне цѣлые вѣка сѣяли, а правящіе классы пожинали.

IV.

Правительство превращается въ охранное жандармское управленіе.

Екатерина II-я, желая привязать къ себѣ дворянство, надѣлила это сословіе всевозможными привилегіями и льготами. Но это было недостаточно. Дворянская знать была избалована и уже давно привыкла мѣшаться въ политическія дѣла, состав-

лявшія преимущество самодержавной власти, или вѣрнѣе, заниматься дворцовыми интригами и переворотами. Чтобы вполнѣ удовлетворить дворянство, нужно было какъ-нибудь удовлетворить и этой его потребности. Расчетливая императрица очень удачно для себя рѣшила эту задачу. Съ самаго вступленія на престолъ она выказывала себя приверженцемъ свободы. «Я въ душѣ отмѣнная республиканка», говорила она про себя. Она вела дѣятельную переписку съ тогдашними вольнодумными французскими философами, съ Вольтеромъ, Дидро, д' Аламберомъ, громившими рабство и всевозможные предразсудки старины. Она сама писала въ томъ же духѣ и покровительствовала распространенію этихъ вольныхъ мыслей среди окружающаго ее дворянства. Образованные дворяне были въ восторгѣ отъ императрицы, писали ей хвалебныя оды и воспѣвали наступившій въ Россіи златой вѣкъ, когда «можно смѣть обо всемъ свое сужденіе имѣть». Екатерина II старалась сдѣлать свою власть по возможности болѣе мягкой для окружающихъ, и потому дворянамъ казалось тогда, что они живутъ въ свободной странѣ. Но это была одна мечта, одна иллюзія. Свобода, которой дышало дворянство, окружавшее престолъ Екатерины, и либеральныя идеи, исповѣдуемыя императрицей, были совершенно особаго рода и рѣзко отличались отъ той свободы, которую проповѣдывали французскіе философы. Тѣ были проникнуты горячимъ убѣжденіемъ, въ нихъ горѣлъ пламень негодованія противъ всякаго рода рабства и угнетенія. А главное, французскіе философы выражали потребность новаго класса, буржуазіи, и всѣхъ непривиллегированныхъ сословій вообще, такъ называемаго «третьяго сословія». Поэтому посѣянное ими сѣмя попало на благопріятную почву и вызвало бурную революцію, которая смела самодержавную власть короля, привиллегіи дворян-

скаго сословія и путы, наложенныя на свободную мысль католическимъ духовенствомъ. Совсѣмъ не то былъ тогдашній русскій либерализмъ. Во 1-хъ, онъ былъ чисто аристократическій и нисколько не затрагивалъ основного зла, царившаго въ Россіи, рабства крестьянскаго. Либеральная Екатерина, какъ вы видѣли, довела рабство народа до крайнихъ предѣловъ, а окружавшіе ее образованные дворяне умѣли совмѣщать ярое свободомысліе съ самымъ жестокимъ издѣвательствомъ надъ своими крѣпостными крестьянами. Въ кабинетѣ екатерининскаго вельможи Струйскаго всѣ полки были уставлены сочиненіями вольнодумныхъ философовъ, и въ томъ же кабинетѣ вольнодумный баринъ подвергалъ своихъ крестьянъ настоящимъ пыткамъ, отъ которыхъ содрогнулся бы всякій тогдашній помѣщикъ старовѣръ. Во 2-хъ, свобода, которой пользовалось дворянство, была чисто мнимая. Это была скорѣе игра въ свободу. Русскіе дворяне, предки которыхъ были лакеями московсаго царя или крѣпостными служилыми людьми, не могли быть такъ горды и самостоятельны, какъ западноевропейскіе дворяне-потомки могущественныхъ феодаловъ. Они, правда, послѣ Петра стали пріобрѣтать политическую власть и вліяніе. Но какъ разъ въ это время они превратились въ праздныхъ тунеядцевъ-трутней, никому не нужныхъ, ни на что не годныхъ. Поэтому они не способны были завоевать хотя бы для себя политическую свободу, ни отстоять ее. При малѣйшей попыткѣ съ ихъ стороны выступить съ дѣйствительнымъ смѣлымъ словомъ противъ императрицы, Екатерина давала имъ чувствовать свои ежевыя рукавицы. Екатерина сама со своей приближенной Дашковой издавала журналъ, въ которомъ она помѣщала сатирическіе очерки, подъ названіемъ: «быль и небылицы». Въ этой сатирѣ она осмѣивала недостатки русской жизни; но тутъ-же она высказы-

вала, что она и не думаетъ ничего измѣнять и пишетъ лишь для пріятнаго провожденія времени. «Не моему перышку передѣлать, перемѣнить», пишетъ императрица; «я изъ тѣхъ людей, для которыхъ свѣтъ поди, какъ можетъ, и жить въ ономъ какъ опредѣлено». Она разрѣшала разсуждать о свободѣ, но не допускала, чтобы въ этихъ разсужденіяхъ касались Россіи. Писатель того времени Фонвизинъ вздумалъ написать ей нѣсколько вопросовъ насчетъ русской жизни, и либеральная императрица сейчасъ же дала ему понять, что его любознательность слишкомъ далеко заходитъ. Почему многіе добиваются чиновъ пронырствомъ, чего раньше не было, спрашиваетъ Фонвизинъ. «Сей вопросъ является отъ свободоязычія, котораго наши предки не имѣли», отвѣчаетъ Екатерина. На вопросъ, въ чемъ состоитъ нашъ національный храктеръ, она отвѣчаетъ: «въ образцовомъ послушаніи», и т. д. Когда Радищевъ, не обращаясь съ вопросами къ императрицѣ, самъ вздумалъ объяснить въ своемъ сочиненіи причины зла, царившаго въ русской жизни, онъ за это поплатился смертнымъ приговоромъ, смягченнымъ на десять лѣтъ каторги.

По смерти Екатерины вступилъ на престолъ Павелъ, враждебно настроенный къ матери. Онъ сразу разсѣялъ тѣ либеральныя мечты, которыми тѣшилось дворянство Екатерины. Но на это, видно, еще не наступило время; поэтому онъ продержался на престолѣ только 5 лѣтъ и въ 1801 году былъ убитъ съ вѣдома своего сына Александра І-го. Прочно царствовать въ павловскомъ духѣ стало возможно только черезъ много лѣтъ, послѣ войны съ французами. Поэтому мы о Павлѣ разскажемъ тогда, когда дойдемъ до того времени. Послѣ Павла вступилъ на престолъ Александръ І-ый. Александръ І-ый, воспитанный республиканцемъ Лагарпомъ, сталъ править, какъ онъ говорилъ, «по

уму и по сердцу своей бабки Екатерины». Онъ окружилъ себя либералами (Кочубей, Чарторыжскій, Новосильцевъ, а впослѣдствіи Сперанскій). Въ обществѣ этихъ либераловъ онъ секретно изобрѣталъ проекты разныхъ конституцій, ограничивающихъ самодержавную его власть и дававшихъ политическую свободу Россіи. Эти проекты такъ и остались на бумагѣ и были благополучно сданы въ государственный архивъ, въ которомъ ихъ раскопали современные историки. Либерализмъ начала царствованія Александра І-го обладалъ тѣми же двумя чертами, что и либерализмъ екатерининскихъ временъ. Во 1-хъ, ни Александръ І-ый, ни его либеральные министры въ своихъ конституціонныхъ мечтаніяхъ и не думали касаться освобожденія народа отъ рабства. Александръ І-ый даже не интересовался узнать, какъ живется народу. Прямо противъ дворца существовала гражданская палата, въ которой ежедневно совершались торги на крестьянъ. И вотъ послѣ двадцати лѣтъ царствованія, какъ разъ въ тотъ день, когда въ гражданской палатѣ была продана крестьянка за три съ полтиной, царь съ удивленіемъ узнаетъ, что въ Россіи существуетъ продажа людей съ публичнаго торга. Царь и его приближенные мечтали о свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ для однихъ лишь привиллегированныхъ сословій. Во 2-хъ, и объ этой дворянской свободѣ царь имѣлъ своеобразное понятіе. Ему казалось, что онъ можетъ какимъ-то такимъ способомъ дать политическую свободу, чтобы при этомъ сохранить самодержавную власть. Напримѣръ, министръ Новосильцевъ, по предложенію царя, написалъ проектъ конституціи. По этому проекту законы для Россіи должна была издавать дума, состоящая изъ выборныхъ депутатовъ. Либеральному царю вообще проектъ понравился; но, когда онъ лучше въ него вчитался, его взяло пе-

доумѣніе. «Какъ же», замѣтилъ онъ, «этакъ, пожалуй, выберутъ въ депутаты и Панина». (А царь, видите-ли, Панина не любилъ.) И вотъ, во избѣжаніе такихъ непріятностей царь въ проектъ внесъ поправку, чтобы всѣ депутаты утверждались имъ лично. Такимъ образомъ конституціонныя права теряли всякую силу, да и эта поправленная конституція, впрочемъ, сдана была въ архивъ.

Въ 1812 году Россія подверглась нашествію французовъ, которые добрались до самаго сердца Россіи, до Москвы. - Французскія войска императора Наполеона, противъ которыхъ не могла устоять ни одна европейская армія, и русская въ томъ числѣ, въ концѣ концовъ должна была отступить передъ россійскими морозами, передъ россійскими огромными протяженіями и страхомъ русскаго народа передъ басурманами. Русское населеніе смотрѣло на французовъ, какъ на дѣтей антихриста и при ихъ появленіи покидало свои села и города и сжигало свое имущество. Французы были обречены на смерть отъ голода и холода. При такихъ условіяхъ Александру І-му удалось изгнать французовъ изъ Россіи и преслѣдовать французскую армію до Парижа, откуда онъ въ 1814 году вернулся обратно съ побѣдоносными войсками. Во время этой «отечественной войны» 12-го года весь русскій народъ, всѣ сословія русскія были охвачены однимъ патріотическимъ воодушевленіемъ; всѣ смотрѣли на царя, какъ на излюбленнаго вождя, избавившаго Россію отъ «нашествія двунадесяти языковъ». У молодого императора вскружилась голова, онъ почувствовалъ сладость власти и навсегда покончилъ съ либеральнымъ заигрываніемъ съ дворянствомъ. Политическія мечты дворянской аристократіи навсегда потеряли почву, но сословныя привиллегіи дворянъ сохранились въ полной мѣрѣ. Нѣсколько десятковъ тысячъ праздныхъ баръ сохранили

власть надъ свободой и жизнью милліоновъ крестьянъ.

Этотъ порядокъ утвердился въ Россіи при содѣйствіи самодержавнаго правительства. Оно предало народъ дворянству и, подобно Іудѣ, лишено было покоя и жило въ вѣчномъ страхѣ, что вотъ-вотъ надъ нимъ разразится народная месть за его злодѣянія. У страха глаза велики. Царское правительство думало, что стоитъ только сдѣлать малѣйшее послабленіе, и крѣпостные крестьяне возстанутъ и сметутъ не только дворянъ, но и всѣ власти. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, напримѣръ, писалъ въ 1845-мъ году въ докладной запискѣ: «Пензенскій губернаторъ, ознакомившись съ настроеніемъ народа въ центральной Россіи, утверждаетъ, что немедленное освобожденіе крестьянъ можетъ вызвать всеобщее возмущеніе. По народному понятію вольность заключается въ совершенномъ безначаліи, неповиновеніи... Государственные крестьяне (стало быть, и тогда люди вольные, не крѣпостные) на вопросъ — ты человѣкъ вольный? — отвѣчаютъ: нѣтъ, мы государевы...»; нерѣдко слышишь разсужденія вродѣ: «вотъ, говорятъ, скоро вольность будетъ, а вмѣсто того опять наборъ...» По понятію народа выходитъ, значитъ, что «воля» есть свобода не только отъ помѣщиковъ, но и отъ податей, и отъ солдатчины, и отъ всякихъ государственныхъ повинностей. Страхъ царскаго правительства передъ народной местью еще тѣмъ увеличивался, что въ то самое время, когда наши крестьяне царской милостью стали вѣчными рабами дворянъ, въ Западной Европѣ начались кровавыя революціи, т. е. возстанія народа противъ своихъ угнетателей. Къ концу царствованія Екатерины II-ой, въ 1789 году, во Франціи началась великая революція противъ короля, дворянъ и католическаго духовенства. Въ 1848 году тамъ разразилась рево-

люція пролетаріевъ-рабочихъ противъ власти капиталистовъ. Волны этихъ революцій докатились до русскихъ границъ. Опасаясь, чтобы эта зараза не перенеслась къ намъ, наше царское правительство посылало не разъ русскія войска за границу, чтобы помочь иноземнымъ королямъ душить у себя дома народныя возстанія. При Павлѣ и при Александрѣ I-мъ русскія войска воевали вмѣстѣ съ войсками феодальныхъ монархій Западной Европы противъ революціонной Франціи. Императоръ Николай отправлялъ за границу войска, чтобы задушить Венгрію, боровшуюся за свою свободу, чтобы отстоять власть молдавскаго и валахскаго господаря надъ возставшимъ народомъ; онъ даже отправилъ русскія войска на защиту турецкаго султана противъ египетскихъ мятежниковъ. Опасаясь, чтобы какая-нибудь издалека занесенная искра не попала въ массу крестьянскую и не вызвала народнаго возстанія, подозрительное правительство принялось усердно гасить свѣтъ въ Россіи и законопачивать всѣ окна въ Западную Европу. Въ основѣ русской жизни лежало рабство милліоновъ народа и праздность привилегированнаго сословія дворянъ. Правительство сознавало, что такой порядокъ не можетъ быть прочнымъ. Страхъ передъ революціей направилъ всю дѣятельность правительства исключительно на охраненіе этого порядка. Правительство превратилось въ жандармское управленіе.

Какъ я уже раньше разсказывалъ, впервые такую охранительную политику пытался у насъ завести императоръ Павелъ. Когда въ 1796 году, по смерти Екатерины II-й, на престолъ вступилъ Павелъ, въ Петербургѣ всѣ говорили, что наступило «помраченіе сверху». Императоръ, испытывавшій ужасъ передъ европейскимъ вольнодумствомъ, запретилъ не только ввозъ книгъ изъ заграницы,

но даже ввозъ музыкальныхъ нотъ. Онъ приказалъ въ 24 часа срыть Итальянскую оперу въ Петербургѣ, запретилъ употреблять въ русской рѣчи слова, которыя могутъ хотя чѣмъ-нибудь напоминать состояніе свободнаго человѣка, какъ напримѣръ, слова: общество, гражданинъ; запретилъ всѣ костюмы, напоминающіе французскіе. Желая усилить до крайности дисциплину въ войскахъ, онъ ихъ мучилъ смотрами и парадами; если оказывалось, что какой-нибудь полкъ не въ ногу маршируетъ, онъ командовалъ всему полку: «налѣво кругомъ въ Сибирь!» И по этой командѣ весь полкъ немедленно отправлялся въ ссылку. Наканунѣ смотра офицеры не знали, увидятъ-ли они завтра свою семью, и разсказываютъ, что жены офицерскія во время царскихъ смотровъ приносили узлы съ провизіей для своихъ мужей на случай внезапной ссылки. Наказывая жестоко людей за нарушеніе дисциплины, Павелъ умѣлъ также истинно по царски награждать за примѣрное повиновеніе. Разъ на парадѣ императоръ отдалъ приказъ Каннибаху; тотъ поскакалъ исполнять приказаніе. «Каннибахъ шапку потерялъ,» крикнулъ кто-то. «За то голова тутъ,» отвѣчалъ Каннибахъ. «Дать ему 1000 крестьянъ», распорядился Павелъ. Такъ, за лакейскую расторопность царскаго пса, 1000 крестьянъ въ одинъ мигъ превратились въ рабовъ. Высшее дворянство при императорѣ Павлѣ еще живо помнило, какъ весело и пріятно жилось при Екатеринѣ; оно неспособно было сразу пріучиться жить въ вѣчномъ трепетѣ, и потому Павелъ продержался на престолѣ только 5 лѣтъ. Любимцы Екатерины устроили противъ него заговоръ и убили его. Убійство Павла доказало, что его попытки превратить правительство въ жандармское управленіе были еще преждевременны. Только черезъ 12 лѣтъ, послѣ войны съ французами, подогрѣвшей преданность народа

къ царю, правительство твердо пошло по пути, проложенному Павломъ.

Александръ I-ый въ 1814 г., по возвращеніи изъ Парижа, оставилъ за границей всѣ свои либеральные мечты и довѣрился во всемъ подлому и жестокому льстецу Аракчееву. Этотъ царедворецъ старался превратить всю Россію въ казарму и само небо хотѣлъ замѣнить солдатской шинелью. Опасаясь, чтобы въ университетѣ студенты какъ-нибудь изъ книгъ не набрались вольныхъ мыслей, императоръ отдалъ университетъ подъ опеку ханжи Магницкаго. Магницкій превратилъ казанскій университетъ въ монастырь. Онъ заставлялъ всѣ науки подгонять подъ священное писаніе, заставлялъ студентовъ пѣть псалмы. Каждый провинившійся студентъ долженъ былъ пройти монашескій искусъ. Его одѣвали въ лапти, въ армякъ, сажали въ комнату съ желѣзными рѣшетками, гдѣ висѣли картины страшнаго суда; за грѣшниковъ всѣ студенты молились и т. п. Такіе же мракобѣсы, какъ Аракчеевъ и Магницкій, были и другіе сподручные Александра I-го, архимандритъ Фотій и Шишковъ.

Въ 1825 году, 14 декабря, была сдѣлана первая геройская попытка ниспроверженія самодержавія въ Россіи, о которой у насъ будетъ рѣчь впереди. Заговоръ 14-го декабря на одинъ моментъ яркой молніей освѣтилъ нашу рабскую страну, надъ которой нависли свинцовыя тучи самодержавнаго гнета; затѣмъ наступила долгая безпросвѣтная ночь. Бунтъ 14-го декабря былъ усмиренъ, заговорщики были частью казнены, частью сосланы на каторгу, и на престолъ вступилъ императоръ Николай I-ый, который за 30 лѣтъ своего царствованія успѣлъ упрочить въ Россіи порядки, заведенные Павломъ и Александровскимъ сподручнымъ Аракчеевымъ. Николаю I-ому такъ же, какъ и Александру I-му въ послѣдніе годы его жизни, какъ и Павлу, все

грезились ужасы революціи и всеобщаго мужицкаго возстанія. Нечистая совѣсть самодержавной власти, поработившей народъ, внушала ему подозрительность и недовѣріе ко всему и ко всѣмъ. Желая какъ-нибудь устранить грозящую престолу бѣду, онъ все придумывалъ, какъ онъ выражался, «мѣры косвенныя и переходныя» для смягченія положенія крестьянъ. Но боясь, какъ бы слухи и «превратныя толкованія» объ этихъ мѣрахъ не проникли въ деревни и не внушили крестьянамъ опасныхъ надеждъ, онъ эти мѣры обсуждалъ не открыто, а «келейно», въ «секретныхъ комитетахъ», откуда онѣ сдавались всѣ аккуратно въ архивъ. Дрожа за свою корону, Николай боялся не только гнѣва народнаго. Образованное дворянство при Николаѣ I-омъ ясно понимало уже, что пора его политическаго вліянія навсегда прошла безвозвратно, что оно не можетъ уже разсчитывать на политическія уступки со стороны правительства въ пользу одного дворянскаго сословія. Меньшинство образованнаго дворянства, для котораго несносенъ былъ произволъ правительственныхъ чиновниковъ, стало обращать свои взоры къ народу; у него пробуждался интересъ къ «меньшей братіи». Царское правительство, помня событія 14-го декабря, испытывало страхъ не только передъ народомъ, но и передъ трусливымъ и дряблымъ либеральнымъ духомъ, которымъ было проникнуто меньшинство образованнаго общества того времени. Оно опасалось малѣйшаго проявленія самостоятельности этого общества и потому отдало судъ и все правленіе въ руки чиновниковъ, которые дѣйствовали по циркулярамъ и распоряженіямъ свыше, подъ непосредственнымъ руководствомъ подозрительнаго монарха. На одно добавочное вознагражденіе этой арміи чиновниковъ, покрывшихъ густой сѣтью всю Россію, требовалось 750 тысячъ рублей. Чиновникамъ не было

дѣла до нуждъ мѣстнаго населенія. Они не должны были спрашивать совѣта и согласія этого населенія, не обязаны были отдавать ему отчета. Ихъ дѣло было только исполнять распоряженія своихъ начальниковъ; и вотъ на мелкихъ чиновниковъ полились цѣлые потоки письменныхъ предписаній изъ губернскихъ и столичныхъ канцелярій. Въ концѣ концовъ все дѣло чиновниковъ сводилось къ тому, чтобы «очищать бумаги», которыя накоплялись въ канцеляріяхъ. Въ 1842 году, по докладу министра, въ имперіи числилось три милліона триста тысячъ неочищенныхъ дѣлъ, изложенныхъ на тридцати трехъ милліонахъ писанныхъ листовъ. Мудрено ли, что народъ прозвалъ чиновниковъ «чернильными душами». Изъ опасенія, чтобы дѣйствія правительственныхъ чиновниковъ и судей не подвергались опаснымъ пересудамъ, всѣ ихъ дѣла были облечены въ канцелярскую тайну; никто объ нихъ не смѣлъ ни знать, ни говорить, ни писать. Эта канцелярская тайна оберегала чиновниковъ и судей отъ контроля и надзора заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія и помогала имъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Не было того мошенничества или злодѣйства, котораго бы чиновники не покрыли своей подписью съ приложеніемъ казенной печати за приличную взятку. Взятки брали всѣ, начиная съ министра Уварова и кончая послѣднимъ писцомъ или становымъ. Даже когда преступленіе открывалось, чиновникамъ всегда удавалось отписаться или посредствомъ канцелярской волокиты отсрочить дѣло на неопредѣленное время. Для примѣра приведемъ извѣстный случай. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ производилось громадное дѣло объ одномъ мошенникѣ откупщикѣ; одно извлеченіе изъ этого дѣла, приготовленное для доклада, изложено было на 15 тысячахъ листовъ. Велѣно было всѣ эти бумаги отправить въ Петербургъ. Наняли нѣсколько де-

сятковъ подводъ, нагрузили дѣло и поѣхали. Вдругъ все дѣло пропадаетъ безъ вѣсти; пропали листы, подводы, извозчики, и, несмотря на строжайшій приказъ сената, никто ихъ не могъ отыскать! Вотъ какой порядокъ установился у насъ въ Россіи. Царское правительство какъ будто вступило въ молчаливое соглашеніе съ дворянствомъ. Вы дескать, любезные дворяне, не потрясайте престола и не занимайтесь политикой, а живите мирно въ дружбѣ съ нами. За это мы васъ избавимъ отъ всякихъ государственныхъ обязанностей; а чтобы вамъ весело жилось, всѣ 23 милліона крестьянъ, которые приписаны къ вашимъ помѣстьямъ, останутся вашей собственностью, вамъ на потѣху. Для того же, чтобы предупредить народную расплату за это предательство, правительство отдало всю Россію подъ строжайшій надзоръ полиціи и подъ опеку канцелярскихъ чиновниковъ.

V.

Какъ крестьяне боролись за волю.

Я разсказывалъ про то, какъ господа или, какъ говорится, господствующіе классы общества распоряжались судьбой народа. Что же въ это время дѣлалъ рабочій народъ, эти 23 милл. крестьянъ? Неужели они совсѣмъ были равнодушны къ своей судьбѣ? При жизни Екатерины II-ой отъ крестьянъ не могло быть скрыто, что императрица осыпала всевозможными льготами и милостями дворянъ, а ихъ лишили всѣхъ правъ человѣческихъ. Поэтому крестьяне ненавидѣли Екатерину. Но они искони привыкли смотрѣть на царя-батюшку, какъ на своего защитника, и если какой-нибудь царь ужъ слишкомъ ихъ душилъ, они говорили себѣ, что онъ, видно, отъ бога за грѣхи имъ посланъ, либо же рѣшали, что это не настоящій царь, а поддѣль-

ный. Такъ было и на этотъ разъ. Во многихъ деревняхъ стали распространяться слухи, что Екатерина царствуетъ обманомъ. Поговаривали, что мужъ ея, царь Петръ Федоровичъ вовсе не умеръ, а живетъ и гдѣ-то скрывается. Эти слухи были на руки болѣе смышленнымъ изъ уральскихъ казаковъ, недовольныхъ тѣмъ, что у нихъ отнимаютъ старинныя вольности. Нѣкоторые изъ казаковъ порѣшили между собою: «Давайте, братцы, мы себѣ изъ грязи сдѣлаемъ князя». Они подыскали бѣглаго казака Емельку Пугачева и заявили, что онъ и есть настоящій царь Петръ Федоровичъ. Чтобы привлечь на свою сторону народъ, Пугачевъ разослалъ въ разные концы грамоты, писанныя золотыми буквами, въ которыхъ онъ сулилъ каждому, что ему любо: крѣпостнымъ онъ обѣщалъ волю отъ помѣщика, башкирамъ — право выгона скота на лучшихъ степяхъ, уральскимъ казакамъ — право исповѣдывать старообрядческую вѣру; а чтобы быть похожимъ на настоящаго православнаго царя, онъ отпустилъ себѣ бороду, надѣлъ длинный кафтанъ, вышитый золотомъ, и парился въ банѣ. Многіе изъ народа поддались обману, повѣрили. При помощи возставшихъ уральскихъ казаковъ и башкиръ Пугачеву удалось разрушить нѣсколько мелкихъ крѣпостей и даже взять городъ Оренбургъ. Но въ концѣ концовъ царскія войска разбили бунтовщиковъ. Пугачева изловили, посадили въ клѣтку и затѣмъ казнили.

Почему же пугачевцамъ не удалось свергнуть съ престола Екатерину, которая такъ притѣсняла народъ? Потому что крестьянамъ и въ голову не приходила мысль бороться съ самодержавнымъ правленіемъ. Часть крестьянъ потому только и пошла за Пугачевымъ, что поддалась обману и приняла самозванца Емельку за настоящаго царя Петра Федоровича. Крестьяне пошли за самозван-

цемъ именно потому, что въ нихъ крѣпка была вѣра въ справедливость царей. Многіе изъ народа легче могли допустить, что царя подмѣнили, нежели повѣрить, что настоящій царь ихъ врагъ; но все-таки большинство народа обману не поддалось и потому не участвовало въ Пугачевскомъ бунтѣ. Впрочемъ, если бы это случилось и если бы Пугачевъ побѣдилъ, народъ бы отъ этого ничего не выигралъ. Ставши царемъ, Емелька притѣснялъ бы народъ еще болѣе безцеремонно, чѣмъ Екатерина, власть которой нѣсколько смягчалась ея образованностью. Это сразу видно было: уже послѣ первыхъ успѣховъ Пугачевъ сталъ показывать ежовыя рукавицы. Онъ, напримѣръ, требовалъ, чтобы тѣ, которые приходили къ нему съ просьбами, не смѣли прямо смотрѣть въ его царскія очи, а падали передъ нимъ ницъ на землю.

Вся бѣда была въ томъ, что народъ довѣрялъ свою судьбу царямъ, и его доля мало могла измѣниться оттого, сдѣланъ ли былъ князь изъ грязи или изъ дворянскаго тѣста.

Послѣ усмиренія Пугачевщины и послѣ смерти Екатерины изъ памяти крестьянской постепенно сглаживается, что́ для нихъ сдѣлала царица. Они забываютъ, кому они обязаны тѣмъ, что стали рабами. Тѣмъ временемъ помѣщики, которые разбѣжались было изъ деревень, напуганные Пугачевскимъ бунтомъ, возвратились и крѣпко присосались къ мужику. Они стали гнать крестьянъ на барщину. Множество крестьянъ были совершенно оторваны отъ своего хозяйства и подъ видомъ «мѣсячниковъ» работали на дворянскихъ фабрикахъ и въ дворянскихъ помѣстьяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти «мѣсячники» составляли пятую часть всего крестьянскаго населенія.

Крестьяне начинаютъ угрюмо посматривать на своихъ тирановъ помѣщиковъ; недовольство и вол-

ненія крестьянъ растутъ. Но весь гнѣвъ ихъ обрушивается на помѣщиковъ; къ царю же обращаются всѣ ихъ надежды. Каждый годъ въ Россіи крестьяне убивали среднимъ числомъ отъ 11-ти до 13-ти помѣщиковъ. Со вступленіемъ на престолъ Николая I-го отъ 1826 до 1830 года въ русскихъ деревняхъ было 41 волненіе, въ слѣдующіе 4 года крестьянскихъ волненій было 46, затѣмъ въ слѣдующіе 4 года 59, затѣмъ 101, затѣмъ 172, наконецъ, отъ 50-го до 55-го года волненій были 137. Волненія крестьянскія росли; но присмотритесь къ тому, какъ и почему крестьяне бунтовали, и вы поймете, что изъ этого толку для нихъ выйти не могло. Въ 26-омъ году въ Вологодской и другихъ губерніяхъ распространяются вѣсти, что крестьяне будутъ взяты отъ помѣщиковъ въ казну. По всей южной части Кіевской губеніи распространяется слухъ, что на Свѣтлый праздникъ всѣ церкви должны быть запечатаны и всѣ крестьяне отъ мала до велика обязаны идти истреблять пановъ. Въ Уманьщинѣ разсказывали о появленіи сына Гонты, который разослалъ панамъ указъ отдать всю землю крестьянамъ, а самимъ убираться въ Варшаву подъ страхомъ смерти. Въ томъ же 26-мъ году солдатъ Семеновъ показывалъ крестьянамъ указъ отъ государя, который ему велѣлъ забирать пановъ по всей Кіевской губерніи и везти въ Петербургъ. Въ одномъ имѣніи Кіевской губерніи волненія тянулись три года. Въ 34-мъ году были очень упорныя волненія въ одномъ селеніи Вятской губ. Губернаторъ усмирилъ бунтовщиковъ военной командой; по пригогору суда 6 человѣкъ были присуждены къ 6 тысячамъ розогъ и къ ссылкѣ, а 4 человѣка къ тысячѣ розогъ. Крестьянамъ пришлось покориться; но они это сдѣлали, скрѣпя сердце: одна крестьянка, имѣвшая трехъ малолѣтнихъ дѣтей, бросилась въ прудъ, потому что мужъ ея первый принесъ по-

винную и пришелъ домой крѣпостнымъ. Крестьяне съ невѣроятнымъ упорствомъ борются противъ помѣщиковъ. Царскіе чиновники усмиряютъ ихъ при помощи воинскихъ командъ и засѣкаютъ до смерти, а крестьяне все-таки продолжаютъ вѣрить, что царь-батюшка на ихъ сторонѣ, что онъ то и дѣло издаетъ указы о волѣ, что онъ обязываетъ ихъ гнать помѣщиковъ, а тѣ эти указы скрываютъ. Въ 46 году были волненія въ 27 имѣніяхъ въ 16 губерніяхъ. Когда въ Гродненской губерніи правительство предприняло межеваніе земли, крестьяне рѣшили, что правительство издало указъ объ освобожденія, но земская полиція. подкупленная помѣщиками, скрываетъ этотъ указъ. Въ 47 году въ Витебской губ. былъ голодъ. Крестьяне массами стали продавать свое имущество и потянулись черезъ Псковскую губ. въ Питеръ. Въ одномъ уѣздѣ крестьяне, готовясь къ этому походу, перековали лемехи въ пики и закупали ружья; многіе были вооружены дубинами и пращами. До 10 тысячъ человѣкъ принимали участіе въ этомъ движеніи. Одна партія крестьянъ разбила по дорогѣ этапную команду въ 20 человѣкъ съ 400 понятыхъ, а станового взяла въ плѣнъ. На вопросъ исправника, куда они идутъ, они отвѣчали: «идемъ къ царю показать, какимъ хлѣбомъ насъ кормятъ паны». Для усмиренія ихъ былъ отправленъ одинъ пѣхотный полкъ, одинъ батальонъ и инвалидныя команды. До 6 тысячъ было возвращено, 600 человѣкъ пропало безъ вѣсти, 95 человѣкъ были преданы военному суду, а 4 тысячи крестьянъ наказаны были розгами. Такъ царь накормилъ голодающихъ.

Подумайте только о томъ, какъ крестьяне боролись за свою волю, и вы поймете, почему ихъ борьба была безуспѣшна. Весь укладъ жизни крестьянской способствовалъ тому, чтобы они попали

подъ ярмо господъ и властей. И покуда этотъ укладъ жизни не измѣнился, крестьяне не въ силахъ были своими средствами высвободиться изъ-подъ этого ярма. Въ прежнее время крестьянинъ сидѣлъ крѣпко на своемъ надѣлѣ, отъ своей земли кормился, одѣвался и обувался и отбывалъ свѣ повинности. Онъ не зналъ и не интересовался тѣмъ, что дѣлается дальше деревенской околицы, дальше барской усадьбы или дальше ближняго базара. Развѣ изрѣдка только вернувшійся домой отставной солдатъ, прохожая богомолка, либо офеня разскажутъ ему небылицы про чужія мѣста и чужія страны. О томъ, что существуетъ какое-то русское государство, общее государственное управленіе и законы, онъ узнавалъ лишь тогда, когда изъ него выколачивали оброки и повинности, когда ему забривали лобъ и угоняли въ рекруты. Понятно, что при такихъ условіяхъ у крестьянина не могъ возникнуть интересъ къ государственной и общественной жизни въ Россіи. Напротивъ того, онъ всегда старался прятаться отъ государства, какъ отъ несноснаго тягла. Никогда крестьянину не могло прійти на умъ самому принимать участіе въ государственной жизни, самому руководить государственнымъ управленіемъ черезъ своихъ выборныхъ. Онъ зналъ, что тамъ, гдѣ-то далеко, въ Питерѣ есть царь и наивно вѣрилъ, что этотъ царь печалуется объ его горѣ, что раньше или позже онъ его защититъ, отдастъ ему волю, отдастъ ему землю. Надежды его не сбывались, и ему часто не втерпежъ становилось ждать: Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Въ такихъ случаяхъ онъ пытался своими средствами бороться противъ своихъ непосредственныхъ угнетателей-помѣщиковъ и мѣстныхъ властей. Но эта борьба была не наступательная, а оборонительная. Рѣдко эта борьба выходила за предѣлы деревенской поскотины, и никогда кре-

стьяне при этой борьбѣ не мечтали стать къ государственному управленію настолько же близкими хотя бы, какъ высшіе классы. Когда гнетъ притѣснителей крестьянства становился несноснымъ, они, подобно напуганному стаду, сбивались въ кучу и оборонялись своими жалкими средствами. Единственнымъ оплотомъ ихъ былъ деревенскій міръ или громада, какъ говорятъ въ Малороссіи. Крестьяне въ простотѣ душевной вѣрили въ силу этого міра, полагая, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ. Но какъ же онъ ихъ оборонялъ? Въ 47 году въ имѣніи князя Голицына заволновались крестьяне. По обыкновенію явился губернаторъ съ воинской командой. Началась экзекуція... Разложили одного больного, хилаго, малорослаго парня. Губернаторъ спрашиваетъ его: «будешь ли повиноваться безпрекословно своему помѣщику князю Голицыну?» «Какъ міръ, такъ и я», чуть внятно отвѣтилъ парень. «А, вотъ какъ! его перваго! двадцать пять горячихъ!» Когда его подняли, губернаторъ повторилъ свой вопросъ; тотъ тверже прежняго отвѣчалъ: «какъ міръ, такъ и я.» Еще два раза его сѣкли, онъ повторялъ то же. Въ послѣдній разъ онъ повторилъ свои слова еле слышно, но ожесточеннымъ голосомъ. А палачи продолжали свое дѣло. Велика была стойкость крестьянъ, ихъ вѣра въ свою правоту. Но съ этой вѣрой крестьяне могли лишь мужественно терпѣть, но никогда не могли побѣдить. Частые бунты крестьянскіе были направлены не къ тому, чтобы завоевать себѣ власть въ государствѣ, а къ тому, чтобы избавиться отъ мѣстныхъ властей и господъ. Бунтовавшіе крестьяне по духу своему были враждебны какимъ бы то ни было государственнымъ порядкамъ, и страхъ передъ этой стихійной силой заставлялъ правительство все крѣпче и крѣпче подтягивать возжи.

Когда для правительства наступили тяжелыя

времена, когда интересы государства заставили его взяться за реформы и объявить объ этомъ, тогда несомнѣнно страхъ передъ народомъ сильно ускорилъ дѣло реформы. Но и тутъ темнота крестьянина, его вѣра въ царя и отсутствіе интереса къ политической жизни дали возможность правительству его обмануть и продать. Но объ этомъ рѣчь у насъ будетъ впереди.

Ломка старой Россіи.

I.

Экономическая необходимость паденія крѣпостного строя жизни.

Въ 1855 году умеръ императоръ Николай I-ый. Въ это же время и старая крѣпостная Россія доживала свои послѣдніе дни. Я хочу вамъ разсказать о томъ, что̀ подточило наши крѣпостные порядки, почему они не могли больше у насъ подержаться.

Я раньше говорилъ, что по смерти императора Петра I-го, по мѣрѣ того, какъ промышленность и торговля у насъ стали развиваться, принудительное государственное тягло, которое тяготѣло надъ всѣмъ народомъ, потеряло всякій смыслъ. Насильственное прикрѣпленіе всѣхъ сословій къ своимъ профессіямъ для отбыванія этого тягла стало лишнимъ. Народъ могъ легче вздохнуть даже при соблюденіи интересовъ государства. Но этимъ положеніемъ тогда воспользовались одни дворяне, потому что они стояли ближе къ престолу. Они превратились въ благородное сословіе дармоѣдовъ, а вся Россія осталась крѣпостной. Между тѣмъ промышленность въ Россіи продолжала развиваться. Хозяйственный складъ русской жизни постепенно мѣнялся. Раньше крестьянинъ работалъ для своего собственнаго домашняго потребленія, для прокормленія своего помѣщика. Ремесленникъ городской работалъ на своихъ немногочисленныхъ близъ живущихъ заказчиковъ. Съ теченіемъ времени земледѣліе и промышленность стали производить боль-

шое количество товаровъ для сбыта на отдаленныя ярмарки и въ чужія страны. Для такого хозяйства свобода нужна, какъ воздухъ. Поэтому съ теченіемъ времени крѣпостныя узы стали болѣе чѣмъ лишни: онѣ тормозили развитіе Россіи такъ же, какъ пеленки стѣсняютъ ростъ окрѣпшаго ребенка. Чтобы лучше это понять, присмотримся поближе къ складу тогдашняго хозяйства въ Россіи.

Начнемъ съ крѣпостного помѣщичьяго хозяйства. Въ старину помѣщики кормились съ крестьянъ. Мужики привозили въ барскую усадьбу всякое добро: хлѣбъ, мясо, дрова; бабы таскали туда цыплятъ, яйца, холстъ, полотна, грибы, ягоды и т. п. Усадьба помѣщичья была полная чаша. Даже въ царствованіе Николая I-го такихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ не мало еще сохранилось. Но все-таки они тогда уже составляли меньшинство. Еще задолго до Николая большинство помѣщиковъ черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ губерній старалось увеличить эксплуатацію своихъ крестьянъ. Они стали больше цѣнить деньги, чѣмъ мужицкіе продукты. Поэтому они заводили свои собственныя запашки и гнали крестьянъ на работу, на барщину. Почти половина всѣхъ помѣщичьихъ хозяйствъ сороковыхъ годовъ держалась барщиннымъ трудомъ. Мѣнялся видъ барской усадьбы: помѣщики вмѣсто того, чтобы прямо кормиться изъ рукъ мужика, стали пользоваться его трудомъ для производства большого количества хлѣба на продажу; русскій хлѣбъ сталъ вывозиться въ Англію. Помѣщики изъ нахлѣбниковъ крестьянскихъ превращались въ сельскихъ хозяевъ, а ихъ помѣстья —въ крѣпостныя фабрики для производства хлѣба на сбытъ. Но тутъ обнаружилось, насколько при крѣпостныхъ порядкахъ невозможно правильное развитіе сельскаго хозяйства. Во-первыхъ, благодаря крѣпостнымъ условіямъ, города въ Россіи были

мало населены, а дороги были плохія; поэтому сбытъ хлѣба внутри Россіи былъ очень стѣсненъ. Во-вторыхъ, крестьяне, которыхъ помѣщики силою заставляли отбывать барщину въ своихъ имѣніяхъ и забрасывать свои собственныя хозяйства, работали, конечно, плохо и неохотно. Всѣ попытки помѣщика заводить у себя улучшенныя породы скота, земледѣльческія машины, посѣвы разныхъ кормовыхъ травъ, словомъ, попытки вести образцовое хозяйство ни къ чему кромѣ разоренія не приводили, и въ громадномъ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній господскія запашки обрабатывались крестьянскимъ инвентаремъ, при помощи крестьянской сохи и крестьянской тощей клячи. Въ-третьихъ, помѣщики, которыхъ крѣпостное право пріучало къ веселой и праздной барской жизни, къ псовымъ охотамъ, къ кутежамъ, картежной игрѣ, умѣли только мотать деньги, а не вести хозяйство. Не мудрено, что большинство помѣщиковъ проматывало свои состоянія и закладывало свои имѣнія. Передъ освобожденіемъ крестьянъ, въ 59 году, 44 тысячи имѣній съ 7-ю милліонами ревизскихъ душъ, т. е. двѣ трети дворянскихъ имѣній и двѣ трети крѣпостныхъ крестьянъ состояли въ залогѣ. Долга на этихъ имѣніяхъ числилось 450 милліоновъ рублей.

Въ промышленныхъ русскихъ губерніяхъ за послѣднія 50—60 лѣтъ передъ освобожденіемъ крестьянъ тоже развилось въ большихъ размѣрахъ производство товаровъ на сбытъ, развилось денежное хозяйство. И тутъ опять обнаружилась крайняя стѣснительность крѣпостного права для промышленности. Въ нечерноземной средней Великороссіи, благодаря худой землѣ и короткому лѣту, земледѣліе не могло составлять единственнаго и даже главнаго источника пропитанія крестьянъ. Тамъ изстари возникли побочные, кустарные и от-

хожіе промыслы. Чтобы пользоваться доходами съ этихъ промысловъ, помѣщики этихъ губерній, вмѣсто того, чтобы заводить барщинныя запашки, предпочитали отпускать своихъ крестьянъ на денежный оброкъ и увеличивать этотъ оброкъ по мѣрѣ увеличенія крестьянскихъ промысловъ. Кустарная промышленность такимъ образомъ сильно развивалась вплоть до освобожденія крестьянъ. Когда въ Россіи стали появляться фабрики, они дали особенно сильный толчекъ развитію кустарничества. Крестьяне, научившіеся на фабрикахъ новымъ производстамъ, стали брать у фабрикантовъ матеріалъ на домъ и заводили собственныя свѣтелки. Цѣлыя деревни или даже волости занимались издѣліемъ одного какого-нибудь товара. Въ деревнѣ распространилось кустарное производство миткалей, ситцевъ, ткачество тонкаго полотна, слесарное, гильзевое, оружейное, игрушечное производство и многіе другіе кустарные промыслы. Крестьяне сдавали свои товары фабрикантамъ или скупщикамъ, а то и сами продавали. Деревенскіе прасолы, разносчики колесили по всей Россіи съ кустарными товарами. Изъ крестьянской среды стали нерѣдко выдѣляться мелкіе фабриканты и богатые торговцы. Но и эта крестьянская промышленность въ концѣ концовъ натолкнулась на препятствія со стороны крѣпостного права. Управляющіе, бурмистры помѣщиковъ зорко слѣдили за обогащеніемъ отдѣльныхъ крестьянъ, чтобы соотвѣтственно увеличить оброкъ съ нихъ. Крестьяне должны были скрывать свой достатокъ и прятать свои деньги въ кубышку. Къ тому же крестьяне, оставаясь крѣпостными, были стѣснены въ своихъ денежныхъ оборотахъ и въ правѣ основывать промышленныя заведенія — хотя по указу 48-го года крестьяне получили право пріобрѣтать всякое недвижимое имущество, кромѣ заселенныхъ

имѣній, но не иначе, какъ съ согласія помѣщиковъ. Но если даже тѣ согласіе изъявляли, крестьяне всетаки были въ ихъ рукахъ, потому что судиться съ помѣщиками было почти невозможно. Такимъ образомъ крѣпостное право стѣсняло развитіе крестьянской промышленности. Но въ несравненно большей степени оно стѣсняло развитіе нашей крупной, заводской промышленности. При императорѣ Петрѣ I-мъ правительство стало помогать строить горные чугуннолитейные заводы, суконныя и канатныя фабрики для снабженія арміи и флота. Къ этимъ заводамъ прикрѣплялись навсегда крестьяне. При императрицѣ Екатеринѣ, когда дворяне были въ силѣ, значительная часть этихъ фабрикъ и заводовъ перешла въ руки дворянъ, у которыхъ фабрики дѣйствовали при помощи работы крѣпостныхъ крестьянъ. Но опытъ показалъ, какъ трудно производить на фабрикѣ при помощи подневольнаго, крѣпостного труда. Крѣпостные фабричные, находясь подъ неограниченнымъ произволомъ фабрикантовъ, чувствовали себя какъ каторжане. Свидѣтель того времени разсказываетъ, что тогдашніе крестьяне говорили, бывало: «у насъ фабрика» такимъ голосомъ, какъ говорятъ — «у насъ чума». Въ виду постоянныхъ бунтовъ и волненій на этихъ фабрикахъ, не было никакой возможности заводить на нихъ какія-нибудь усовершенствованія или новыя машины. Поэтому производство на нихъ не росло, а если принять въ разсчетъ увеличеніе населенія, то даже относительно падало. Въ 20-хъ годахъ у насъ, напримѣръ, выплавлялось 10 съ лишнимъ мил. пудовъ чугуна; въ 30-хъ тоже лишь 10 съ половиной мил. пудовъ; въ 40-хъ годахъ выплавка чугуна увеличилась въ ничтожной степени, до 11 съ половиной мил. пудовъ.

Съ царствованія Екатерины II-й у насъ стало развиваться фабричное производство не только для

снабженія казны, но и для потребленія народнаго. Дворяне, купцы и разбогатѣвшіе крестьяне стали заводить хлопчатобумажныя, стеклянныя, писчебумажныя и другія фабрики. Такъ какъ купцы и крестьяне въ то время уже не имѣли права покупать крѣпостныхъ крестьянъ, то съ самаго начала на этихъ фуабрикахъ половина рабочихъ были вольнонаемные, т. е. тѣ же крѣпостные, которыхъ помѣщики отпускали на вольную работу за оброкъ. Благодаря вольнонаемному труду, эти фабрики стали довольно быстро развиваться. Но по мѣрѣ увеличенія ихъ количества, вслѣдствіе крѣпостного состоянія большинства русскаго рабочаго населенія, не стало хватать для фабрикъ наемныхъ рабочихъ, и ростъ фабричнаго производства остановился. Въ двадцатыхъ годахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, кромѣ горныхъ и винокуренныхъ, было 200 тысячъ рабочихъ, въ среднемъ по 41 рабочему на фабрику; въ тридцатыхъ годахъ уже 329 тысячъ — по 52 на фабрику; въ 40-хъ годахъ количество рабочихъ увеличилось до 478 тысячъ, и въ среднемъ на фабрику приходилось по 61-му рабочему. Затѣмъ передъ освобожденіемъ крестьянъ ростъ фабрикъ пріостановился, и фабрики стали сильно мельчать. Въ 50-хъ годахъ на нашихъ фабрикахъ было 498 тысячъ рабочихъ, т. е., немногимъ больше, чѣмъ въ прошлое десятилѣтіе, а количество рабочихъ на каждой фабрикѣ въ среднемъ упало до 45 человѣкъ. Очевидно, что при крѣпостномъ трудѣ фабричное производство не могло развиваться; поэтому въ нашемъ заграничномъ отпускѣ товаровъ доля товаровъ въ видѣ готовыхъ издѣлій постепенно сокращалась. Въ 1790 до 1792 годахъ она составляла третью часть всего отпуска, а въ 1848—50 гг. лишь 9 проц., т. е. меньше десятой доли.

Развившееся въ Россіи производство това-

ровъ на продажу нуждалось также въ соотвѣтственномъ развитіи торговли. Но крѣпостное право стѣсняло развитіе торговыхъ сношеній не меньше, чѣмъ развитіе промышленности. Желѣзныхъ дорогъ въ то время не было и быть не могло. Для сооруженія ихъ требуются громадные капиталы и громадное количество свободныхъ рабочихъ рукъ, а откуда ихъ наберешься въ крѣпостной странѣ? Кромѣ того, чтобы такія громадныя сооруженія окупались, требуется бойкое товарное движеніе, и это тогда не было возможно. При негодности тогдашнихъ дорогъ и при опасностяхъ, которымъ въ тѣ времена подвергались купцы отъ лихихъ людей, торговцы должны были для перевозки товаровъ сколачивать караваны и обозы. Эти обозы медленно тянулись на ярмарки, которыя обыкновенно устраивались не чаще, чѣмъ разъ въ годъ. Лѣтомъ почти совершенно было невозможно сухопутьемъ возить, а гужевой провозъ по водѣ обходился вдвое дороже, чѣмъ по желѣзной дорогѣ. Благодаря медленности и трудности торговыхъ сношеній, купцы старались нагонять свои барыши надувательствомъ и барышничествомъ. Такъ сложилась русская поговорка: не надуешь, не продашь.

Вы видите, до какой степени крѣпостное право стало стѣснительно для всего хозяйственнаго (экономическаго) развитія Россіи. Къ правительству доходили постоянно жалобы. Въ силу этого наши законы сороковыхъ годовъ стали давать лазейки для освобожденія крестьянъ въ разныхъ случаяхъ. Законъ разрѣшилъ выкупъ крестьянъ на волю при продажѣ съ публичнаго торга имѣній разорившихся дворянъ. Законъ запретилъ безпомѣстнымъ дворянамъ продавать своихъ дворовыхъ безъ земли. Для безземельныхъ дворянъ дворовые часто бывали обузой и, чтобы развязаться съ ними, они ихъ стали отпускать на волю за приличный выкупъ.

Жизнь брала свое, и крѣпостное владѣніе еще до освобожденія крестьянъ стало сокращаться. Въ 36-мъ году крѣпостныхъ душъ въ Россіи было 28 милліоновъ и 700 тысячъ, и они составляли почти половину населенія а въ 58-мъ году число ихъ уменьшилось на 400 тысячъ, и они составляли ужъ тогда только третью часть населенія. Сократилось за это время и число дворянъ-душевладѣльцевъ. Число безпомѣстныхъ дворянъ, имѣвшихъ дворовыхъ, уменьшилось за это время въ 5 разъ.

Но медленная смерть крѣпостного права могла затянуться богъ вѣсть на сколько времени; а между тѣмъ эта коренная наша язва заразила гніеніемъ всю русскую жизнь и въ концѣ концовъ подточила силы русскаго государства. Производство народное не могло достаточно сильно расти, а поэтому казнѣ не откуда было получать доходы. Главный источникъ доходовъ казны были подати. Дворянство, какъ благородное сословіе, само было освобождено отъ податей и вносило лишь подати за своихъ крестьянъ. Но многіе дворяне, пользуясь исключительными правами, своимъ привилегированнымъ положеніемъ, по словамъ тогдашняго министра Канкрина, завели обычаи не платить податей за своихъ крестьянъ. Другіе источники доходовъ казны были еще болѣе бѣдны: при стѣсненномъ положеніи торговли и промышленности казна не могла получать большихъ доходовъ отъ косвенныхъ и промысловыхъ налоговъ. Такимъ образомъ, въ 53-мъ году всѣ доходы казны составляли 224 милліона рублей. На эти деньги правительству приходилось содержать армію, строить крѣпости, заводить пароходы, содержать тучу чиновниковъ, усмирять Венгрію, усмирять Польшу, вести безконечную войну на Кавказѣ и наконецъ обороняться въ Севастополѣ. Денегъ не хватало, и правительство стало влѣзать въ долги. Все снаб-

женіе арміи провіантомъ и амуниціей было отдано въ руки откупщиковъ. При тогдашнихъ канцелярскихъ порядкахъ и при повальномъ взяточничествѣ чиновниковъ откупщики вступали въ незаконныя сдѣлки съ интендантами и обворовывали казну: солдаты кормились кониной, носили сапоги съ гнилыми подошвами и не имѣли пороха во время военныхъ дѣйствій.

А во что превратило крѣпостное право самую армію? Общей воинской повинности при крѣпостномъ правѣ не могло быть, потому что тогда всѣ молодые крестьяне въ короткое время побывали бы на военной службѣ и такимъ образомъ освободились бы отъ своихъ помѣщиковъ. Поэтому дѣйствующая армія составляла тогда какъ бы отдѣльное сословіе: она набиралась изъ рекрутовъ, которые служили сначала 25, а потомъ 15 лѣтъ. Помѣщики, отдавая своего крестьянина въ рекруты, лишались навсегда работника; понятное дѣло, что они старались отдавать въ рекруты самыхъ негодныхъ людей и пропойцъ. Но рекрутовъ не хватало для пополненія арміи. Чтобы помочь бѣдѣ, сподручный Александра I-го, Аракчеевъ, учредилъ военныя поселенія. Но безчеловѣчная дисциплина, царившая въ этихъ поселеніяхъ, вызвала въ 30-мъ году кровавый бунтъ военныхъ поселянъ. Правительство было вынуждено уничтожить военныя поселенія и прибѣгло къ новому средству: оно стало забирать на службу всѣхъ солдатскихъ дѣтей отъ 12-ти лѣтъ и сдавало ихъ въ кантонистскія школы, въ которыхъ крестьяне съ малолѣтства подъ розгами пріучались къ казарменной дисциплинѣ. Для того чтобы такихъ солдатскихъ дѣтей было побольше, правительство принимало мѣры, чтобы солдаты рано женились, и разрѣшило имъ жить съ семействомъ въ казармахъ. Но, конечно, какъ только полкъ перекочевывалъ на другое мѣсто, жены солдатскія

бросались на произволъ судьбы: разсчитали, что въ обыкновенное время при Николаѣ числилось 165 тысячъ покинутыхъ солдатскихъ женъ. Зная, какъ составлялась николаевская армія, можно заранѣе рѣшить, что у николаевскаго солдата была выправка и страхъ передъ палкой; но у него не могло быть ни самостоятельности, ни умѣлости, ни честности. Такова была армія, а резервовъ и запаса арміи совсѣмъ не было и быть не могло при отсутствіи всеобщей воинской повинности. Военныхъ дорогъ также не было. При Николаѣ І-омъ была проложена только одна желѣзная дорога изъ Петербурга въ Москву.

Изъ моего краткаго описанія вы видите, что крѣпостное право, задерживая развитіе всего русскаго народа, естественно привело къ обезсиленію русскаго государства. Корни этого государства глубоко сидѣли въ крѣпостной почвѣ. Благодаря крѣпостному праву и крѣпостному хозяйству, оно очутилось безъ денегъ, безъ годныхъ чиновниковъ и безъ годной арміи. При первомъ испытаніи это должно было обнаружиться, и это испытаніе наступило. Въ 1855-мъ году, въ послѣдній годъ царствованія Николая І-го, надъ Россіей, какъ громъ, разразилась севастопольская война. Эта война между Россіей и соединенными европейскими государствами была столкновеніемъ двухъ міровъ, отживающаго крѣпостного міра Россіи и свободнаго промышленнаго міра западной Европы. Когда началась война, патріоты, превозносившие могущество нашего отечества, смѣялись надъ иностранцами: «мы ихъ шапками закидаемъ», говорили они. Но этимъ патріотамъ вскорѣ пришлось горько разочароваться. Крѣпостная Россія потерпѣла позорное пораженіе, и обнаружилось, что нашъ русскій великанъ стоитъ на глиняныхъ ногахъ. Какъ передаетъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ, самолюбивый дес-

потъ Николай I-ый не могъ перенести позора поражениія, лишилъ себя жизни и передъ смертью завѣщалъ своему сыну Александру II-му преобразовать старые порядки. Севастопольская война ясно показала нашему правительству, что въ интересахъ самого правительства, для возстановленія могущества и силы русскаго государства необходимо освободить трудящійся народъ отъ крѣпостныхъ узъ, уничтожить сословныя привилегіи и перегородки въ обществѣ и уменьшить чиновничью опеку надъ этимъ обществомъ. Такимъ образомъ коренныя реформы въ русской жизни стали насущнымъ государственнымъ вопросомъ. Понятно, что послѣ севастопольской войны наступаетъ пора реформъ. Освобожденіе крестьянъ, введеніе земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленія, введеніе гласнаго суда присяжныхъ, свободной профессіи адвокатовъ съ несмѣняемыми судьями, введеніе выборныхъ мировыхъ судей, измѣненіе университетскаго устава и устава о печати, введеніе общей воинской повинности — всѣ эти реформы у насъ вводились въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

II.

Кто былъ настоящимъ двигателемъ при проведеніи реформъ.

Севастопольская кампанія и севастопольское пораженіе взбаламутили стоячее болото русской жизни. Ясно стало для всѣхъ, что такъ больше продолжаться не можетъ. Измѣненіе крѣпостного строя должно неотложно послѣдовать. Но крѣпостное право съ той или другой стороны затрагивало интересы всего русскаго населенія, всѣхъ классовъ общества. Естественно, что со вступленія на престолъ Александра II-го, въ 1855 году, всѣ классы русскаго общества зашевелились. Въ ихъ умахъ стали бродить разныя стремленія, надежды, жела-

нія, опасенія и страхи. Вопросъ теперь вотъ въ чемъ: былъ ли среди этой разноголосицы хотя одинъ классъ въ русскомъ народѣ, который бы имѣлъ настолько силы, чтобы властно забрать въ свои руки дѣло преобразованія старой Россіи, чтобы заставить проводить реформы въ извѣстномъ направленіи? Посмотримъ.

Ближе всего были заинтересованы въ уничтоженіи крѣпостного права крестьяне, на которыхъ крѣпостные порядки ложились всей своей тяжестью. 23 милліона крестьянъ, привыкшихъ къ суровой трудовой жизни, проникнутыхъ, какъ одинъ человѣкъ, ненавистью къ дворянству и страстнымъ ожиданіемъ воли — это, конечно, очень грозная сила. Но, какъ я уже раньше объяснялъ, эта грозная сила была вмѣстѣ съ тѣмъ сила темная, слѣпая. Какъ только была объявлена севастопольская война, крестьяне зашевелились. Крестьянскія волненія охватили 29 губерній. Но эти волненія были такого же рода, какъ описанныя мною въ предыдущей главѣ. Крестьяне массами ходили записываться въ ополченіе, въ полной увѣренности, что царь-батюшка за военную службу дастъ имъ волю. Но лишь только въ 58-мъ году опубликованъ былъ циркуляръ о томъ, что готовится воля, крестьянскія волненія сразу прекратились повсемѣстно. Въ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ крестьяне ежегодно убивали отъ 11 до 13 помѣщиковъ. Со дня же обнародованія циркуляра за все время, пока готовилась реформа, ни одинъ помѣщикъ не былъ убитъ своими крѣпостными. Очевидно, что крестьяне съ полнымъ довѣріемъ относились къ царю; они, очевидно, глубоко вѣрили, что онъ дастъ имъ то, чего они ждутъ и потому вручили ему свою судьбу и терпѣливо ждали. Вы видите, что крестьяне по темнотѣ своей сами отказались отъ прямого вліянія на проведеніе реформъ.

Кромѣ крестьянъ, уничтоженіе крѣпостныхъ порядковъ было въ прямыхъ интересахъ всего торгово-промышленнаго класса Россіи, въ прямыхъ интересахъ нашихъ фабрикантовъ, купечества и мѣщанства, или, употребляя общепринятое теперь выраженіе, нашей крупной и мелкой буржуазіи. Я теперь не буду этого доказывать, потому что уже раньше объяснялъ, насколько крѣпостные порядки стѣсняли развитіе русской промышленности и торговли. Какую же роль могла играть наша буржуазія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и въ другихъ реформахъ царствованія Александра II-го? Въ Западной Европѣ буржуазія была тотъ общественный классъ, который разрушилъ старый порядокъ. Сто лѣтъ тому назадъ во Франціи господствовали приблизительно такіе же порядки, какъ у насъ при Николаѣ I-мъ. Тамъ было неограниченное самодержавіе короля и неограниченный произволъ его чиновниковъ. Дворянство и высшее духовенство пользовались всѣми исключительными преимуществами, всѣми привилегіями въ государствѣ, а крестьянская масса была закрѣпощена. Но въ крѣпостной, дворянской, самодержавной Франціи издавна возникли и развились большіе торгово-промышленные города. Эти города вели въ старой Франціи долгую и упорную борьбу за свою самостоятельность. Въ концѣ 18-го столѣтія образованность успѣла проникнуть въ широкіе слои городского населенія. Французская буржуазія ясно сознавала несправедливость неограниченной власти короля и высшихъ классовъ. И вотъ въ 1789 году она поднимаетъ знамя возстанія во имя свободы, равенства и братства всѣхъ людей. Разразилась великая французская революція, буржуазія казнила короля и смела съ лица земли аристократію, освободивши весь народъ отъ ихъ власти. Благодаря войнамъ между революціонной Франціей и болѣе осталыми евро-

пейскими государствами, событія французской жизни отразились во всей Западной Европѣ, и въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ 19-го столѣтія не мало троновъ пало въ Европѣ и не мало народовъ освободилось отъ власти дворянъ. Но это былъ послѣдній разъ, когда буржуазія горячо и искренно боролась за права человѣчества. Съ теченіемъ времени въ свободныхъ европейскихъ государствахъ стало обнаруживаться, что въ городахъ не всѣ люди братья, что интересы городскихъ классовъ, буржуазіи и рабочихъ, прямо противоположны. Начиная съ 30-хъ годовъ, знамя свободы и равенства перешло въ руки пролетаріевъ, а буржуазія лицемѣрно продолжала отстаивать свободу лишь настолько, насколько она даетъ ей возможность свободно притѣснять и эксплуатировать рабочихъ. Этотъ переломъ ясно опредѣлился въ 1848 году, когда французскіе рабочіе сдѣлали первую попытку соціальной революціи противъ конституціоннаго государства, въ которомъ хозяйничала буржуазія. Такъ обстояло дѣло въ Западной Европѣ во время царствованія Николая I-го.

Если бы у насъ въ это время существовала такая же просвѣщенная и могущественная буржуазія, какъ во Франціи въ концѣ 18-го столѣтія, то она навѣрно уже не сдѣлала бы такой революціи, какую сдѣлала та. Опытъ Западной Европы и страхъ передъ рабочими остудили бы ее пылъ къ свободѣ: она бы заразилась трусостью отъ западной буржуазіи того времени. Недаромъ при Николаѣ крѣпостники пѣли на всѣ лады, что у насъ благословенный край, потому что у насъ нѣтъ пролетаріевъ-рабочихъ, какъ на западѣ, которые то и дѣло совершаютъ революціи. Но дѣло въ томъ, что у нашихъ горожанъ искушеніе даже не могло явиться. Городскіе классы въ Россіи въ 50-хъ годахъ были еще очень малочисленны и неразвиты.

Въ крѣпостной Россіи преобладала деревенская промышленность, городская имѣла ничтожные размѣры; да и все городское населеніе было весьма невелико. Теперь у насъ насчитывается 7 городовъ съ населеніемъ больше чѣмъ въ 150 тысячъ жителей, при Николаѣ было только 2 большихъ города: Петербургъ и Москва. Изъ 1000 тогдашнихъ русскихъ городовъ 878 имѣли меньше 10 тысячъ жителей и напоминали скорѣе большія села, чѣмъ города.

Да и населеніе городское состояло тогда отчасти изъ купцовъ, главнымъ же образомъ изъ мѣщанъ, которые по своей жизни и своимъ понятіямъ мало чѣмъ отличались отъ теперешняго крестьянина. Отъ русскаго купца николаевскихъ временъ до французскаго буржуа 18-го столѣтія было такъ же далеко, какъ отъ земли до неба. Большинство тогдашняго купечества не далеко ушло въ своихъ понятіяхъ отъ купцовъ временъ московскихъ царей. Они были насквозь проникнуты сословными предразсудками и крѣпостнымъ духомъ. Снаружи они были благочестивы, носили длинные кафтаны, усердно молились и постились, а въ жизни это были самодуры и деспоты. Когда «самъ» приходилъ домой, всѣ домочадцы трепетали. Дома въ купеческой семьѣ слышенъ былъ одинъ окрикъ: «ндраву моему не препятствуй!» А передъ бариномъ или чиновникомъ длиннобородый купчина гнулъ спину не меньше двороваго мужика. Прочтите любую комедію того времени Островскаго и вы увидите, кто были тогдашніе купцы, Титъ Титычи. Несомнѣнно, что въ насущныхъ интересахъ всего купечества было паденіе крѣпостныхъ порядковъ: для широкаго развитія торговли требовалась свобода, требовались свободная промышленность, неподкупные суды, огражденіе собственности отъ чиновничьяго произвола и т. п. Но большинство тогдашнихъ купцовъ неспособно было такъ

далеко заглядывать; они неспособны были понять интересы всего торговаго класса. Каждый изъ нихъ понималъ только свой собственный личный интересъ, а онъ хорошо достигался при помощи обхода закона при помощи взяточничества, обвѣшиванія, обмѣриванія и т. д. Итакъ, вы видите, что наша буржуазія вовсе неспособна была громко поднять свой голосъ во время ломки старыхъ порядковъ и поставить правительству какія-нибудь широкія требованія.

Перейдемъ теперь къ дворянству. Я разсказывалъ раньше, что для значительной части нашего дворянства крѣпостное хозяйство становилось разорительнымъ. Въ описываемое нами время дворянству былъ бы разсчетъ развязаться на выгодныхъ условіяхъ съ крѣпостными, оставивши себѣ землю. Но громадное большинство дворянъ объ этомъ и думать не хотѣло. Они не могли себѣ представить, какъ это они стали бы жить вдругъ безъ крѣпостного мужика при ихъ неумѣлости и безпомощности, все равно, какъ дворянинъ Обломовъ, описываемый въ романѣ того времени Гончарова, не могъ себѣ представить, какъ это можно вдругъ взять и жениться и зажить по новому. Однако, меньшая часть средняго образованнаго дворянства, которая жила въ столицахъ и большихъ городахъ, тогда уже относилась довольно равнодушно къ крѣпостному праву. У нихъ въ сущности и мало дѣла было съ крѣпостными мужиками. Вся связь ихъ съ деревней заключалась въ томъ, что они получали отъ прикащиковъ ежемѣсячно денежный оброкъ, собранный съ крестьянъ. Не все ли равно имъ, будутъ ли вносить этотъ оброкъ крѣпостные или вольные арендаторы. Эти господа ѣздили почти ежегодно на крестьянскія денежки за границу и проникались завистью къ жизни свободнаго европейскаго гражданина. Произволъ и всевластіе рус-

скаго чиновника и личная безправность русскаго обывателя вызывали у образованныхъ дворянъ чувство недовольства тогдашними порядками. Но гдѣ эти дворяне должны были искать исхода изъ этого несноснаго положенія? Я уже раньше говорилъ, что пора политическаго вліянія нашего дворянскаго сословія въ государствѣ прошла безвозвратно. Послѣ войны 12-го года русская аристократія потеряла всякую надежду, чтобы самодержавное правительство сдѣлало какія-нибудь политическія уступки въ исключительную ея пользу. Исчезла и та небольшая вѣра въ свою силу, которая была у извѣстной части дворянства екатерининскаго и александровскаго времени. Поэтому образованное дворянство въ 30-хъ и 40-хъ годахъ обратило взоры свои въ другую сторону, стало интересоваться народомъ. Оно начинаетъ проникаться гуманными, человѣколюбивыми понятіями и любовью къ меньшей братіи.

Въ дворянской литературѣ 40-хъ годовъ все чаще начинаютъ появляться очерки изъ народной жизни. Аксаковъ, Григоровичъ, Тургеневъ, Толстой пытаются въ своихъ талантливыхъ произведеніяхъ проникнуть въ тайники крестьянской души съ ея радостями и печалями. Крестьянинъ, который въ произведеніяхъ писателей прежняго времени служилъ только для декораціи, для обстановки при описаніи великосвѣтской жизни, теперь подчасъ становится героемъ повѣстей. На этой литературѣ воспитывались и до сихъ поръ воспитываются поколѣнія. Эта литература внушала и продолжаетъ внушать любовь къ простонародью. Естественно поэтому, что многіе склонны въ этой литературѣ усматривать одну изъ крупныхъ причинъ послѣдовавшаго освобожденія крестьянъ. Это тѣмъ болѣе естественно, что въ салонахъ литераторовъ 40-хъ гг. и въ связанныхъ съ ними кружкахъ только и го-

ворили въ то время, что объ освобожденіи крестьянъ... И все-таки не слѣдуетъ преувеличивать непосредственнаго вліянія на событія этой проснувшейся дворянской совѣсти 40-хъ годовъ, потому что не совсѣмъ она тогда и проснулась.

Можно ли было ожидать истинно человѣческаго отношенія къ крестьянину, отношенія равнаго человѣка къ равному, отъ этихъ людей, жившихъ и продолжавшихъ жить въ уютныхъ дворянскихъ гнѣздахъ на счетъ крѣпостного труда? Можно ли было вообще ожидать зарожденія какихъ-либо сильныхъ чувствъ, великодушныхъ и смѣлыхъ порывовъ въ дворянской средѣ, переживавшей въ то время закатъ и безъ того жалкой политической жизни этого сословія? Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться къ произведеніямъ и къ жизни лучшихъ дворянскихъ писателей 40-хъ годовъ, то придется признать, что ихъ походъ противъ рабства не былъ особенно грозенъ.

Почитайте повѣсти и разсказы, которые писали либеральные дворяне въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Любопытно, что̀ излюбленные герои этихъ повѣстей дѣлаютъ? Они горятъ любовью къ горемыкѣ-мужику, но они не начинаютъ съ того, чтобы отпустить его и дать ему жить на своей волѣ. Кого бы они тогда стали благодѣтельствовать? Они предпочитаютъ придумывать разныя затѣи въ пользу своихъ крестьянъ и учатъ мужика, какъ лучше устроить свою жизнь. При этомъ они сами любуются собой, какіе они, дескать, хорошіе, какіе заботливые. Но, къ несчастью, они обыкновенно принуждены сознаться, что крестьяне очень недовѣрчиво относятся къ ихъ барскимъ затѣямъ. Неблагодарные крестьяне думаютъ: «минуй насъ пуще всѣхъ печалей и барскій гнѣвъ, и барская любовь». Сами дворяне-писатели поступали такъ же, какъ герои ихъ повѣстей. На основаніи закона 1842

года, дворяне получили право по желанію отпускать своихъ крестьянъ на волю. Но ни одинъ изъ этихъ либеральныхъ писателей этимъ закономъ не воспользовался. Извѣстный другъ народа Хомяковъ напечаталъ въ 54-мъ году стишокъ, въ которомъ онъ говоритъ, что «Россія игомъ рабства клеймена», и приходитъ самъ въ восторгъ отъ своей смѣлости. «Какъ вы думаете», пишетъ онъ своему пріятелю Языкову: «признаютъ ли эти стихи патріотическими и меня патріотомъ своего отечества?» Этотъ патріотъ все-таки своихъ крестьянъ не освободилъ. Знаменитый, гуманный писатель Тургеневъ описывалъ съ любовью крестьянъ въ «Запискахъ охотника». Онъ поклялся бороться за освобожденіе крестьянъ. Тѣмъ не менѣе онъ, кромѣ дворовыхъ, никого изъ своихъ крестьянъ не освободилъ. Знаменитый писатель графъ Толстой написалъ въ 50-хъ годахъ разсказъ «Утро помѣщика». Въ этомъ разсказѣ онъ рисуетъ самого себя подъ видомъ Нехлюдова. Герой разсказа думаетъ только о благоденствіи крестьянъ и измышляетъ разныя затѣи въ ихъ пользу, которыя тѣ отвергаютъ. Любовь Толстого къ мужику сказалась также и въ другихъ его очеркахъ, какъ напримѣръ: «Поликушка», «Холстомѣръ», особенно же въ знаменитыхъ «Севастопольскихъ очеркахъ», въ которыхъ авторъ съ замѣчательной силой изображаетъ великія качества, свойственныя русскому простому народу. Графъ Толстой несомнѣнно писалъ все это искренне и тѣмъ не менѣе онъ самъ не только не отпускалъ своихъ крестьянъ на волю, но держалъ ихъ на гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ остальные помѣщики его уѣзда. Въ одномъ имѣніи Тульской губ. его крестьяне платили чрезвычайно высокій оброкъ, а въ другомъ его имѣніи, въ Курской губ., они состояли на барщинѣ и имѣли всего по одной съ лишнимъ десятинѣ на душу. Даже самые

чистые, благородные, лучшіе изъ дворянъ не могли освободиться отъ вліянія своего барскаго воспитанія и барской обстановки, въ которой они жили. Это видно на примѣрѣ поэта Огарева. Онъ отпустилъ въ 40-мъ году своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы на весьма тяжелыхъ условіяхъ и все-таки, по его словамъ, «радовался своему подвигу». Онъ хотѣлъ у себя въ имѣніи устроить фабрику, на которой крестьяне могли бы найти себѣ вольный заработокъ и хлопоталъ о «комитетѣ для поощренія фабрикъ и заводовъ». Эти затѣи доставляли ему невыразимое удовольствіе, и онъ пишетъ въ одномъ письмѣ: «могъ-ли я понравиться крестьянамъ? кто мнѣ скажетъ: да! то я радуюсь, какъ ребенокъ».

Когда въ царствованіе Александра II-го правительство обнаружило готовность проводить реформы, либералы-дворяне подняли голову. Эти либералы были все профессоры, писатели, будущіе адвокаты, будущіе выборные мировые посредники, будущіе земскіе дѣятели. Готовившіяся реформы открывали имъ двери къ заманчивой общественной дѣятельности, и у нихъ, конечно, сердце взыграло. Нѣкоторые изъ нихъ принимали дѣятельное участіе въ проведеніи реформъ, а большинство шумѣло. Но любопытно вотъ что: либеральные дворяне, увлекаясь своимъ собственнымъ пѣніемъ, возмечтали о себѣ, что они рѣшаютъ судьбу Россіи, что они склонили правительство идти по либеральному пути и ведутъ его на помочахъ. Казалось бы, откуда у этихъ либеральныхъ дворянъ, которые незадолго до этого осмѣливались только предаваться чувствительнымъ мечтамъ, откуда у нихъ такая прыть взялась? Гдѣ была та сила, которая заставило бы правительство слушаться этихъ сладкопѣвцевъ-либераловъ? Я уже доказывалъ, что такой общественной силы у насъ не было въ то

время. Либералы глубоко заблуждались, и это разъяснилъ умнѣйшій писатель того времени Добролюбовъ. По мнѣнію либераловъ, правительство проводило реформы, потому что они, либералы, шумѣли, а дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ: либералы осмѣливались шумѣть, потому что правительство само уже рѣшило проводить реформы. Либералы стучались въ открытую дверь. Это точно доказываютъ факты: въ 53-мъ году правительство разрѣшило построить Рижско-Динабургскую желѣзную дорогу, и вотъ либералы въ 56-мъ году начинаютъ шумѣть и доказывать, какъ для Россіи полезны желѣзныя дороги. Въ 56-мъ году въ правительственномъ журналѣ «Морской Сборникъ» появляется статья о негодности старой системы воспитанія въ школахъ, и вслѣдъ за этимъ, по поводу этой статьи, въ либеральныхъ журналахъ и газетахъ полились рѣчи о томъ, что школа не должна быть казармой, что она должна всесторонне развивать способности дѣтей и т. д. Въ декабрѣ 55-го года объявленъ былъ неограниченный пріемъ студентовъ въ университетъ, а въ 57-мъ году либералы заговорили о необходимости измѣненія университетскихъ порядковъ. Въ 55-мъ г. правительство приступило къ открытію школъ для дѣвицъ средняго состоянія, а въ 57-мъ году либералы начинаютъ писать о пользѣ женскаго образованія. Въ 58-мъ г. рѣшено было уничтожить откупа, а писать объ этомъ начали либералы въ 59-мъ году. Точно также первая робкая статья Безобразова объ освобожденіи крестьянъ появилась въ 57-мъ году, когда правительство уже это дѣло рѣшило. Конечно, молчаніе, которое либералы хранили въ теченіе 10 лѣтъ, было вынуждено цензурой: это была не ихъ вина, а ихъ бѣда. Но фактъ тотъ, что они были безсильны, пока имъ не развязали рукъ. Либералы разъясняли значеніе реформъ и этимъ со-

дѣйствовали усвоенію ихъ обществомъ. Но для правительства это не могло имѣть значенія. Либеральную программу реформъ не приходилось вновь выдумывать. Она давно была выработана опытомъ Западной Европы и была извѣстна образованнымъ правительственнымъ чиновникамъ. Вопросъ былъ не въ томъ, понимаетъ ли правительство значеніе этихъ реформъ, а желаетъ ли оно ихъ проводить. Заставить же правительство проводить реформы либералы не были въ силахъ.

Соображая сказанное въ этой главѣ, мы должны признать, что единственный классъ, который страстно желалъ воли и который таилъ въ себѣ грозную силу, было крестьянство; но оно по своей темнотѣ довѣрило свою судьбу правительству. Другіе же общественные классы либо недостаточно сознавали необходимость реформъ, либо не имѣли достаточной силы, чтобы забрать дѣло въ свои руки.

Поэтому почипъ въ реформахъ исходилъ отъ правительства, и оно дѣлало это не изъ любви къ угнетаемымъ, и не потому, что увлеклось либеральными идеями, а изъ практическаго разсчета, ради собственнаго интереса. Севастопольская кампанія доказала ясно, что крѣпостные порядки подточили силы государства, ослабили мощь русской державы. И для спасенія своей власти правительство должно было приняться за преобразованія.

До чего правительство въ то время было обезкуражено, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда послѣ смерти Николая I-го разсѣялся кошмаръ, придавившій всю Россію, между прочимъ изъ оцѣпененія вышла и угнетенная Польша. Въ 1857-мъ году польская знать образовала земледѣльческое общество, въ которомъ толковали объ отпаденіи Польши отъ Россіи. Правительство старается задобрить поляковъ помилованіемъ всѣхъ старыхъ мятежниковъ 30-го года. Поляки не успокаиваются.

Въ 1860-мъ и 1861-мъ годахъ польская молодежь устраиваетъ въ Варшавѣ рядъ манифестацій. Правительство еще больше пугается и спѣшитъ даровать Польшѣ особое управленіе съ выборными депутатами. Въ томъ же 1861-мъ году минское дворянство ходатайствуетъ у государя о присоединеніи губерніи къ Царству Польскому; царь отказываетъ, но это ходатайство остается все-таки пришитымъ къ журналу засѣданія дворянскаго собранія. Въ 62-мъ году русскій генералъ пріѣзжаетъ изъ Варшавы въ Петербургъ и разсказываетъ, что тамъ настоящая революція. Ему отвѣчаютъ: «служите и сидите смирно». Наконецъ въ Польшѣ разгорается мятежъ; туда отправляютъ Муравьева для усмиренія. Но при этомъ правительство настолько потеряло голову, что государыня говоритъ на прощаніе Муравьеву: «сохраните намъ хоть Литву». Мятежъ былъ усмиренъ, и тогда Муравьевъ-вѣшатель безчисленными казнями доказалъ въ достаточной мѣрѣ, что правительство раньше уступало полякамъ не изъ любви къ нимъ, а изъ страха передъ ними. Только страхъ обанкротившагося правительства, только сознаніе, что ослабѣла державная рука, заставило правительство приняться за реформы. Это подтверждаетъ и исторія зарожденія мысли о реформахъ.

Всѣмъ извѣстно, что когда Александръ II-ой былъ еще наслѣдникомъ, онъ былъ противъ освобожденія крестьянъ. Когда при Николаѣ I-мъ помѣщикъ Ольгиви представилъ проектъ улучшенія быта крестьянъ, цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ секретномъ комитетѣ рѣзко выступилъ противъ этого проекта. Съ чего началъ Александръ II-й по вступленіи на престолъ? Министромъ внутреннихъ дѣлъ въ это время былъ Бибиковъ, который обнаружилъ свое расположеніе къ крестьянамъ введеніемъ крестьянскихъ инвентарей въ за-

падныхъ губерніяхъ. Александръ II-й его смѣщаетъ и на его мѣсто назначаетъ Ланскаго, извѣстнаго своимъ равнодушіемъ къ крестьянскому вопросу. Затѣмъ онъ издаетъ законъ, по которому исправники не назначаются правительствомъ, а выбираются дворянами. Александръ II-й, вступивши на престолъ въ тяжелое для государства время, понималъ, конечно, что нужно что-нибудь предпринять для измѣненія положенія дѣлъ. Поэтому онъ въ первомъ же манифестѣ своемъ высказалъ робко необходимость «устранять въ правленіи недостатки». Но при этомъ онъ заявляетъ, что свято будетъ охранять дворянскія права, какъ и незабвенный родитель его. Скоро однако обнаруживается, что ни одного улучшенія въ правленіи невозможно сдѣлать, пока существуетъ крѣпостное право. Тогда у правительства складывается та мысль, которую Александръ II-й высказалъ впослѣдствіи въ своей рѣчи въ январѣ 61-го года: «дѣло объ освобожденіи крестьянъ я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества». Въ этой рѣчи говорится, какъ вы видите, о могуществѣ Россіи, т. е. русскаго государства, но ничего не говорится о счастьи русскаго народа — крестьянства. Подъ вліяніемъ назрѣвшей у правительства мысли, оно въ 58-мъ году распорядилось объ учрежденіи дворянскихъ губернскихъ комитетовъ для выработки проекта освобожденія. До сихъ поръ правительство шло старыми путями; оно все облекало въ величайшую тайну. Намъ извѣстно, что при Николаѣ было учреждено не мало секретныхъ комитетовъ по этому же вопросу, но дѣло не подвигалось ни на шагъ. Чѣмъ болѣе правительство боялось крестьянскихъ бунтовъ, тѣмъ меньше оно рѣшалось на малѣйшія измѣненія. Возможно, что и теперь дѣло кончилось бы одними разговорами, и освобожденіе было бы

отсрочено до поры до времени. Но тутъ случилось важное событіе. Благодаря агитаціи нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ Сѣраковскаго *), министръ Ланской опубликовалъ циркуляръ объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ. Какъ только правительство громогласно заявило о своемъ намѣреніи, остановиться не было возможно. Искра была заронена и можно было опасаться всеобщаго пожара. Тотъ самый страхъ передъ народнымъ движеніемъ, который раньше удерживалъ правительство отъ реформы, теперь заставилъ правительство проводить реформы съ лихорадочной быстротой. Это Александръ II-й высказалъ въ упомянутой выше рѣчи: «дѣло возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія... всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства».

III.

На чьей сторонѣ было правительство, совершавшее реформы.

Крѣпостное хозяйство, крѣпостное право довело старое правленіе Россіи до банкротства, и правительство было вынуждено обстоятельствами освободить Россію отъ крѣпостныхъ оковъ. Теперь долженъ былъ закончиться процессъ между крестьянами и дворянами, который тянулся вѣка. Если бы правительство относилось безпристрастно къ обѣимъ тяжущимся сторонамъ, оно бы призвало депутатовъ отъ той и другой стороны и дало бы обѣимъ сторонамъ высказаться. Это, конечно, было бы слишкомъ много чести для мужика. Но пра-

*) Сѣраковскій — сынъ польскаго мятежника 30-го года — былъ въ то время драгунскимъ офицеромъ. Онъ участвовалъ въ революціонныхъ кружкахъ того времени и впослѣдствіи былъ казненъ Муравьевымъ-вѣшателемъ за участіе въ польскомъ возстаніи.

вительство могло бы, по крайней мѣрѣ, пригласить дворянъ громогласно и всенародно высказать свое мнѣніе насчетъ того, какъ распутать вѣковой узелъ. При такой гласности нѣкоторые дворяне постыдились бы передъ образованнымъ міромъ окончательно обобрать крестьянъ, а другіе сдержали бы, можетъ быть, свои аппетиты изъ страха передъ народомъ: дойдутъ, дескать, до нашихъ деревень слухи о нашихъ рѣчахъ, и тогда намъ не сдобровать. Но самодержавное правительство было искони другомъ высшихъ классовъ и по традиціи — по старой памяти — считало дворянство опорой престола. Николай I-й говорилъ въ одной рѣчи: «я и моя жена — мы петербургскіе помѣщики». Александръ II-й тоже называлъ себя первымъ русскимъ дворяниномъ. Естественно, что правительство предпочло рѣшить дѣло втихомолку, по семейному, съ добраго согласія помѣщиковъ и къ обоюдному ихъ удовольствію. Съ самаго начала Александръ II-й показывалъ видъ, что вовсе не правительство освобождаетъ крестьянъ, а сами дворяне объ этомъ хлопочутъ. Дворяне западныхъ губерній не были довольны тѣми инвентарями, которые были у нихъ введены, и потомъ нѣкоторые изъ нихъ готовы были развязаться съ крестьянами. Это и высказали западные дворянскіе депутаты, бывшіе въ 57-мъ году въ Питерѣ. Правительство это подхватило и высказало благодарность дворянству западныхъ губерній за то, что оно будто бы изъявило готовность освободить крестьянъ. Затѣмъ правительство приказало циркуляромъ виленскому генералъ-губернатору Назимову побудить дворянъ устроить губернскій дворянскій комитетъ для выработки проекта освобожденія крестьянъ. Поневолѣ пришлось устроить. Послѣ этого министерскій циркуляръ пригласилъ дворянство другихъ губерній послѣдовать примѣру западныхъ дворянъ и

устроить такіе же комитеты. Дворяне мялись и устраивали комитеты по примѣру западныхъ дворянъ, которые сами этому не были рады. Московскіе дворяне больше другихъ медлили. Чтобы ихъ подбодрить, Александръ II-й въ рѣчи къ московскимъ дворянамъ указывалъ на то, что крестьяне сами себя освободятъ снизу, если ихъ не освободить сверху. До конца Александръ II-й показывалъ видъ, что освобожденіе крестьянъ затѣяли сами дворяне. Въ рѣчи своей, сказанной въ 61-мъ году передъ освобожденіемъ, онъ говоритъ: «я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и я счастливъ, что мнѣ суждено свидѣтельствовать это передъ потомствомъ».

Вы видите, какъ дворяне мялись, какъ ихъ по отечески уговаривали. Но они это дѣлали совершенно напрасно. Въ нихъ говорила одна рутина, одна привычка къ старому насиженному мѣсту. Царское правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы дворяне при освобожденіи крестьянъ остались не въ накладѣ, а въ выигрышѣ. Проектъ, выработанный въ Петербургѣ въ редакціонной комиссіи, три раза подвергался передѣлкѣ въ пользу дворянъ, сообразно съ мнѣніями, которыя представляли въ теченіе 59-го года губернскіе дворянскіе комитеты. Для того, чтобы дворяне не стѣснялись высказывать самыя наглыя, безстыдныя требованія, ихъ проектамъ не давали огласки. Министръ юстиціи отобралъ даже у членовъ, засѣдавшихъ въ Главномъ Комитетѣ, единственный бывшій у нихъ на рукахъ экземпляръ дворянскихъ проектовъ. Дворянскіе депутаты, которые два раза призывались въ Петербургъ, не имѣли права публично сообща обсуждать вопросъ, а должны были частнымъ образомъ сообщать свои мнѣнія къ свѣдѣнію редакціонной комиссіи. Окончательное приготовленіе про-

екта было передано въ Главный Комитетъ, въ которомъ предсѣдателемъ состоялъ графъ Панинъ — бездушный канцеляристъ и завзятый крѣпостникъ.

Положеніе объ освобожденіи крестьянъ, какъ вы видите, было выработано согласно съ затаенными желаніями большинства крѣпостного дворянства, и проведеніе этихъ мѣръ на практикѣ тоже было предоставлено самому дворянству. Самодержавное правительство хорошо понимало, что въ его высшихъ петербургскихъ канцеляріяхъ готовится подъ покровомъ безгласности и канцелярской тайны великое надувательство народа. Только этимъ можно объяснить извѣстные факты, которые неосвѣдомленному человѣку должны были бы показаться поразительными. Царь даетъ волю народу. Чего онъ долженъ себѣ за это ожидать? Конечно, только любви, признательности и благодарности со стороны народа. А между тѣмъ, чѣмъ ближе дѣло освобожденія у насъ подвигалось къ концу, тѣмъ больше росли страхи правительства. Видно, знала кошка, чье мясо съѣла. Въ 58-мъ году, послѣ обнародованія перваго циркуляра, главный сотрудникъ царя Ростовцевъ подалъ государю записку о необходимости учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ для немедленнаго прекращенія могущихъ возникнуть безпорядковъ. Помощникъ министра внутреннихъ дѣлъ Милютинъ подалъ царю другую записку, доказывающую, что это излишне. На этой второй запискѣ царь сдѣлалъ такую помѣтку: «такъ думаютъ люди неблагонамѣренные..., дабы достигнуть ихъ цѣли, которая состоитъ въ ниспроверженіи существующаго порядка. Теперь, конечно, народъ спокоенъ въ ожиданіи, но когда ожиданія не сбудутся въ томъ смыслѣ, какъ онъ это разумѣетъ, то кто отвѣчаетъ, что тогда будетъ? А тогда поздно принимать мѣры». Когда разослали манифестъ 19-го февраля 61-го года объ освобож-

денія крестьянъ по губерніямъ, къ каждому губернатору былъ прикомандированъ одинъ генералъ и одинъ флигель-адъютантъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ волненій они приняли команду надъ мѣстными войсками. День объявленія воли хранился до конца подъ строжайшимъ секретомъ, и въ самый день объявленія воли, 5-го марта 61-го г., петербургская полиція высѣкла двухъ дворниковъ за то, что они въ трактирѣ говорили незадолго до 5-го марта о подписанной государемъ волѣ. Въ столицахъ ко дню объявленія воли дѣлались грозныя приготовленія. Въ Москвѣ 5-го марта пѣшіе и конные патрули ходили цѣлый день съ заряженными ружьями и даже заходили въ трактиры. Въ Петербургѣ всѣ полки были соединены по телеграфу; загородные тоже были наготовѣ. Городовые были вооружены револьверами. А какъ себя въ этотъ день чувствовалъ царь-освободитель въ Зимнемъ дворцѣ? Объ этомъ разсказываетъ дежурный свитскій генералъ: «Лица, собравшіяся въ Зимній дворецъ въ ожиданіи государева выхода, были, очевидно, неспокойны. Послышался глухой гулъ, какъ бы выстрѣлъ; генералъ-губернаторъ посылаетъ узнать, что такое. Ему докладываютъ..., что глыба снѣга скинута съ дворцовой крыши. Черезъ нѣсколько времени послышался колокольный звонъ; опять опрометью мчится фельдъегеръ и возвратившись докладываетъ..., что звонили у Исаакія по случаю похоронъ священника.»

IV.

Какъ была проведена реформа освобожденія крестьянъ.

Крестьяне съ нетерпѣніемъ ждали манифеста о волѣ. Они нисколько не сомнѣвались, что въ этомъ манифестѣ будетъ объявлено, что вся земля,

которую они обрабатывали, которую они привыкли считать своей, имъ отдается навѣки. Они довѣрили свою судьбу царю! Царское же правительство уладило дѣло совмѣстно съ дворянами. Чтобы узнать, какъ «господа» уладили дѣло, познакомимся вкратцѣ съ положеніемъ 19-го февраля 61-го года объ устройствѣ быта крестьянъ. По этому манифесту крестьяне объявлялись лично свободными и получали отъ помѣщиковъ душевой надѣлъ для обезпеченія ихъ быта и для обезпеченія платежа государственныхъ повинностей. Размѣръ полевого надѣла на крестьянскую ревизскую душу долженъ былъ быть установленъ въ теченіе двухъ лѣтъ и записанъ въ Уставныя Грамоты. Уставныя Грамоты или договоры устанавливались по взаимному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ подъ руководствомъ выборныхъ дворянъ — мировыхъ посредниковъ. Законъ 19-го февраля даетъ слѣдующія ограниченія для этихъ договоровъ. Дворяне при надѣленіи крестьянъ землей имѣютъ право выдѣлить себѣ третью часть земли, которая не должна быть отчуждена. Но закону отъ дворянъ вполнѣ зависитъ, какую землю они оставятъ за собой. И понятное дѣло, что они оставили себѣ лучшую землю. Что касается крестьянскаго надѣла, то положеніе 19-го февраля раздѣлило Россію на три полосы. Въ степныхъ губерніяхъ законъ устанавливаетъ опредѣленный размѣръ надѣла; въ черноземныхъ же и нечерноземныхъ губерніяхъ законъ устанавливаетъ лишь высшій и низшій размѣръ надѣла. Въ этихъ предѣлахъ крестьянамъ должна была быть нарѣзана земля по взаимному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками. Размѣры этихъ надѣловъ были очень разнообразны по разнымъ мѣстамъ. Скажу только одно: въ среднемъ во всей Россіи бывшіе крѣпостные крестьяне получили по три десятины на ревизскую душу. По свидѣтельству историковъ

крестьяне въ царствованіе Екатерины владѣли въ среднемъ 9-ю десятинами на душу. Значитъ, по закону 19 февраля крестьяне получили въ три раза меньше земли, чѣмъ при Екатеринѣ. Отсюда вы можете заключить, насколько справедливо было сказано въ манифестѣ, что крестьяне получаютъ надѣлъ для обезпеченія своего быта. Но и этотъ надѣлъ господа, конечно, не даромъ отдали крестьянину. За него крестьяне обязаны были платить помѣщику извѣстный оброкъ или отбывать извѣстныя повинности. Оброкъ, установленный положеніемъ 19-го февраля, вовсе не зависѣлъ отъ качества земли, а отъ того, сколько можно выжать изъ крестьянина. Поэтому въ промышленныхъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ крестьянинъ могъ найти себѣ заработокъ, былъ назначенъ высшій оброкъ за надѣлъ, хотя бы земля, полученная крестьянами, никуда не годилась. Напримѣръ, крестьянинъ Курской губерніи за хорошую черноземную землю долженъ былъ платить 3 руб. 27 коп. съ десятины, а крестьянинъ, жившій около Петербурга, за свою негодную землю долженъ былъ платить 3 руб. 71 к. съ десятины. Для того, чтобы больше выжать оброка съ крестьянъ, положеніе 19-го февраля придумало еще одно хитрое средство. Такъ какъ всѣ усилія дворянства были направлены къ тому, чтобы крестьянину досталось меньше земли, то можно было опасаться, что количество оброка, получаемое дворянами, будетъ недостаточно велико. И вотъ, чтобы оградить интересы дворянъ, законъ 19-го февраля установилъ, что размѣры оброка должны быть тѣмъ больше, чѣмъ меньше надѣлъ, доставшійся крестьянину, чѣмъ меньше онъ обезпеченъ. Для этой цѣли подводится такая хитрая механика: законъ назначаетъ опредѣленную величину оброка за высшій размѣръ душевого надѣла. Если крестьянинъ по-

лучилъ только одну десятину, то онъ за нее долженъ былъ платить половину всего этого душевого оброка; если ему нарѣзали вторую десятину, то онъ за нее платилъ только четверть всего душевого оброка; а за всѣ остальныя полученныя десятины онъ платилъ тоже только четверть всего установленнаго оброка. Если, значитъ, одинъ крестьянинъ получилъ одну десятину, а другой четыре десятины, то первый платилъ оброка не въ 4 раза меньше, чѣмъ второй, а только вдвое меньше. Вы видите, что законъ принялъ всѣ мѣры, чтобы сдѣлать оброкъ непосильнымъ для крестьянина. Естественно, что многіе крестьяне готовы были отказаться отъ своего надѣла, лишь бы избавиться отъ платежа оброка. Въ разсчетѣ на это князь Гагаринъ внесъ одно остроумное предложеніе, которое вошло въ законъ 19-го февраля 61-го года. Этотъ параграфъ закона разрѣшаетъ крестьянину отказаться отъ надѣла и отъ платежей, и за этотъ отказъ по соглашенію съ помѣщикомъ онъ можетъ получить даромъ четвертую часть установленнаго закономъ надѣла — четвертной надѣлъ. Многіе крестьяне согласились на эту подачку и получили четвертной надѣлъ, который народъ прозвалъ нищенскимъ или сиротскимъ.

На такихъ условіяхъ крестьяне были надѣлены землею для пользованія при освобожденіи.

Законъ 19-го февраля предоставилъ крестьянамъ право выкупать нарѣзанную имъ землю въ полную собственность: усадьбы по ихъ собственному желанію и на ихъ собственныя средства, а полевую землю по соглашенію съ помѣщикомъ при помощи ссуды отъ правительства. Пока крестьяне не выкупили своего надѣла въ собственность, они считались временно обязанными помѣщикамъ, и въ теченіе этого времени помѣщики сорханяли полицейскую власть и полицейскій надзоръ надъ кре-

стьянами. Выкупъ совершался такимъ образомъ: Въ зависимости отъ оброка, который временно-обязанные платили помѣщику, опредѣлялась цѣна ихъ надѣльной земли — ея стоимость. Когда крестьянское общество переходило на выкупъ, оно уплачивало помѣщику четвертую часть стоимости земли, а остальныя три четверти за крестьянъ уплачивало правительство, которое выдавало помѣщикамъ выкупныя свидѣтельства — нѣчто вродѣ векселей, имѣвшихъ силу денегъ. Такихъ выкупныхъ свидѣтельствъ правительство выдало помѣщикамъ на 752 милліона рублей. Для уплаты этой ссуды, для погашенія этого долга крестьянскія общества обязывались платить правительству ежегодно выкупные платежи въ теченіе 49-ти лѣтъ со дня перехода каждаго общества на выкупъ. Въ концѣ концовъ дѣло свелось вотъ къ чему: помѣщики забрали себѣ лучшую землю, а крестьяне получили худшую землю въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ, размѣръ которой былъ въ три раза меньше, чѣмъ за сто лѣтъ до этого, при Екатеринѣ II-й. За эту землю крестьяне должны были въ первые годы, покуда они считались временно-обязанными, уплачивать непомѣрно большой оброкъ помѣщикамъ. А потомъ, когда они переходили на выкупъ, они должны были платить своему заимодавцу — правительству выкупные платежи. По разсчету, сдѣланному статистиками, платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, состоявшихъ на выкупѣ, равнялись 197 процентамъ съ чистаго дохода съ ихъ земли, т. е. они были почти вдвое больше дохода, который крестьянинъ получалъ съ своего надѣла за вычетомъ харчей, сѣмянъ и прочихъ необходимыхъ расходовъ. Вы помните, какъ императоръ Александръ II-ой говорилъ, что освобожденіе будетъ проведено не въ томъ смыслѣ, какъ этого ожидаютъ крестьяне. Въ другомъ случаѣ, въ рѣчи,

сказанной 28-го января 61-го года, Александръ II-й выразился такъ: «все стараніе мое заключается въ томъ, чтобы пожертвованія были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства». Теперь для насъ ясно, чтó эти слова означали: дворяне, которые со времени освобожденія отъ обязательной службы государству по существу не имѣли права ни на одинъ вершокъ русской земли, получили за эту землю подарокъ въ одинъ милліардъ рублей (1000 милліоновъ), въ томъ числѣ 752 мил. рублей выкупными свидѣтельствами отъ казны и 250 мил. руб. чистоганомъ отъ крестьянъ. Крестьяне же за собственную свою землю, которую они искони обливали своимъ потомъ, должны были платить теперь въ среднемъ вдвое больше, чѣмъ она стоитъ, для покрытія казенной ссуды. Они какъ будто бы были освобождены съ землей, а въ дѣйствительности они должны были снова купить свою собственную землю, да еще вдвое переплачивать противъ обыкновеннаго покупателя.

Доходъ съ земли былъ недостаточенъ для покрытія платежей; приходилось покрывать платежи изъ другихъ источниковъ, изъ стороннихъ заработковъ, но и ихъ сплошь и рядомъ не хватало. Напр. въ Новгородской губ. у временно-обязанныхъ платежи мѣстами въ пять разъ превосходили доходность надѣльной земли. Понятно, что новгородскій крестьянинъ главнымъ образомъ жилъ на счетъ посторонних заработковъ, которые давали ему въ 3—4 раза больше дохода, чѣмъ земля. Но по уплатѣ податей и отъ этихъ доходовъ у новгородскаго крестьянина оставалось всего 12 р. на дворъ. На эти деньги онъ долженъ былъ покупать соль, справлять себѣ платье, обувь, орудія и т. п. Въ Псковской губ. надѣльная земля вовсе никакого дохода не давала. Крестьянамъ этой губ. приходилось еще прикупать на сторонѣ хлѣба на 8 мил. рублей,

т. е. ровно настолько, сколько они получали дохода со своего единственнаго промысла — съ льноводства. Въ конечномъ итогѣ у нихъ не оставалось ни гроша, и нужно было умудриться откуда-нибудь заплатить два съ половиной милліона рублей податей! И такъ было вездѣ...

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ, и призови божье благословеніе на твой свободный трудъ!» — такими словами кончается манифестъ 19-го февраля 61-го года. Конечно, послѣ этого манифеста трудъ крестьянина сталъ свободнымъ; но вы видѣли, что условія освобожденія крестьянина понуждали его весь свой свободный трудъ отдать на уплату податей и выкупныхъ платежей.

Для того, чтобы свободный трудъ крестьянина служилъ именно этой цѣли, положеніе 19-го февраля придумало для крестьянъ особый видъ самоуправленія. По этому закону крестьяне одного или нѣсколькихъ смежныхъ селъ составляютъ одно сельское общество, которое управляется въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ сельскимъ сходомъ и выборнымъ сельскимъ старостой. Нѣсколько сельскихъ обществъ съ количествомъ ревизскихъ душъ отъ 300 до 2000 составляютъ одну волость; волость управляется выборнымъ волостнымъ старшиной; при немъ секретаремъ состоитъ волостной писарь — главный деревенскій законовѣдъ. Въ волости же имѣется выборный волостной судъ. Покуда крестьяне были временно-обязанными, крестьянское самоуправленіе состояло подъ надзоромъ помѣщиковъ; а когда они перешли на выкупъ, ихъ самоуправленіе было отдано подъ надзоръ чиновниковъ — присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Но это все только одна внѣшняя форма. Въ чемъ же заключалась суть этого самоуправленія? Правительство, освободивши крестьянъ, прежде всего забо-

тилось о томъ, чтобы обезпечить себѣ аккуратный взносъ платежей крестьянскихъ. Для этого оно обставило крестьянское самоуправленіе особыми законами. Прежде всего по закону крестьянское общество отвѣчаетъ за круговой порукой за правильный взносъ податей. Для того, чтобы крестьянское общество могло взять на себя эту тяжелую отвѣтственность, ему предоставляется право при согласіи двухъ третей членовъ общества равнять, передѣлять землю между плательщиками (при общинномъ владѣніи землею). Для этой же цѣли установлена закономъ извѣстная паспортная система. Паспорта выдаются крестьянскимъ обществомъ, и при выдачѣ ихъ общество можетъ слѣдить, чтобы получившій паспортъ предварительно уплатилъ лежащія на немъ подати. Оно даже можетъ неплательщиковъ отправлять на заработки, исключать изъ общества; наконецъ обществу предоставлено право административно ссылать «порочныхъ» членовъ. Законъ не опредѣляетъ, что значитъ порочный; и въ этотъ разрядъ сплошь и рядомъ попадаютъ неплательщики — пролетаріи, которые отличаются строптивостью и чѣмъ-нибудь не угодили деревенскимъ воротиламъ. Вы уже видите, что главная задача крестьянскихъ сходовъ и особенно выборныхъ сельскихъ властей заключается не въ управленіи мѣстными крестьянскими дѣлами, а въ выколачиваніи крестьянскихъ недоимокъ. Для этой цѣли правительство дало волостнымъ судамъ и выборнымъ сельскимъ властямъ страшное оружіе — право тѣлеснаго наказанія.

Я приведу нѣсколько примѣровъ для того, чтобы показать, во что превратилось крестьянское самоуправленіе подъ вліяніемъ этого права. Въ 82-мъ году въ казанской судебной палатѣ разбиралось дѣло о сопротивленіи властямъ. На судѣ выяснилось, что становой Митяшинъ разъѣзжалъ

съ волостнымъ судомъ для сѣченія неисправныхъ плательщиковъ. Если волостной судъ назначалъ мало ударовъ, то приставъ удваивалъ и говорилъ судьямъ: «бейте, а то сами будете оштрафованы». Оказалось такимъ образомъ, что въ 78-мъ году въ двухъ только сельскихъ обществахъ были высѣчены 618 человѣкъ. Въ теченіе одного только мѣсяца въ 85-мъ году по приговору глажевскаго волостного суда было высѣчено въ одномъ обществѣ изъ 45 домохозяевъ 25, въ другомъ изъ 45 — 23, въ третьемъ изъ 35 — 26, въ четвертомъ изъ 41 — 32, въ пятомъ изъ 51 — 35, въ шестомъ изъ 105 — 38, въ седьмомъ изъ 83 — 19, въ восьмомъ изъ 44 — 7, въ девятомъ изъ 35 — 11. Въ 84-мъ году староста Патюра Васильковскаго уѣзда, взыскивая недоимки, ставилъ крестьянъ на снѣгъ, а потомъ согрѣвалъ разгами: тотъ, у кого накопилось 5 рублей недоимокъ, получалъ 10 розогъ; за 10 руб. недоимокъ — 20 ударовъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сѣкли старцевъ, если по справкамъ волостного писаря оказывалось, что плательщику еще не минуло 60 лѣтъ. Въ Ямпольскомъ уѣздѣ при одной волости служилъ спеціальный катъ, т. е. палачъ, который сѣкъ подъ наблюденіемъ волостного старшины. Старшина при экзекуціи приговаривалъ: «гирше! лучше! добре его жарь! печи!» Въ этомъ уѣздѣ въ 84-мъ году по приговору волостного суда были высѣчены 42 процента всѣхъ крестьянъ волости, т. е. тамъ сѣкли почти каждаго второго мужика. По разсчету одной русской газеты, въ 12 волостяхъ одного уѣзда по приговору волостныхъ судовъ въ теченіе года было отсчитано на крестьянскихъ спинахъ двадцать четыре тысячи девятьсотъ шестьдесятъ ударовъ розгами. Крестьянскія власти и старики, пріученные становыми къ свисту розогъ, стали прибѣгать къ нимъ во всѣхъ случаяхъ въ жизни. Провинился сынъ

передъ отцомъ, чѣмъ-нибудь досадила мужу непокорная жена, сейчасъ обиженный обращается къ сходу, и старики, не задумываясь, присуждаютъ провинившагося къ розгамъ.

Вотъ во что превратилось крестьянское самоуправленіе! Нужно ли послѣ этого удивляться, что крестьяне постепенно пріучались смотрѣть на мірскую службу по выборамъ, какъ на тяжелую и непріятную обязанность; нужно ли удивляться, что лучшіе крестьяне стали уклоняться отъ должности старосты и старшины, и что на эти должности обыкновенно назначались ставленники кабатчиковъ и деревенскихъ кулаковъ.

V.

Какъ были проведены реформы земскаго и городского самоуправленія.

Говоря о причинахъ паденія крѣпостного права, я указывалъ, что крѣпостное право и связанная съ нимъ чиновничья, канцелярская опека наложили мертвую петлю на Россію, затормозили ея хозяйственное развитіе и довели русское государство во время севастопольской войны до банкротства. Даже такіе люди, какъ курляндскій губернаторъ Валуевъ, писали въ то время, въ 55-мъ году, что «озлобленіе противъ порядковъ безпредѣльное и всеобщее». Тотъ же губернаторъ писалъ во время войны 55-го года: бумажное царство чиновниковъ «ежеднево обнаруживаетъ свое безсиліе. Канцелярскія формы не предупредили позорную растрату суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ... половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Этотъ... длинный рядъ гнуснѣйшихъ преступленій даже остается доселѣ безнаказаннымъ и т. д.» Государственныя дѣла были доведены до такого разстрой-

ства, что правительство уже во время севастопольской войны рѣшило изъ чувства самосохраненія снять съ общества излишнюю опеку, допустить обывателей къ участію въ мѣстныхъ дѣлахъ, отдать мѣстныя дѣла подъ контроль самого населенія. Но покуда существовало крѣпостное право, покуда треть русскаго населенія была въ рабствѣ, даже намека на самоуправленіе невозможно было осуществить. Но вотъ въ 61-мъ г. крѣпостное право пало и вопросъ о самоуправленіи сталъ на первую очередь. Его тѣмъ болѣе невозможно было откладывать, что освобожденные крестьяне по положенію 19-го февраля получили уже нѣкоторое самоуправленіе. Хотя оно было только мнимое, кажущееся, но какъ бы тамъ ни было, не могло же правительство не дать свободнымъ обывателямъ того, что оно уже дало недавнимъ рабамъ.

Такимъ образомъ по неизбѣжному ходу вещей за освобожденіемъ крестьянъ въ 61-мъ году послѣдовало изданіе Земскаго Положенія въ 1864 и Городового Положенія въ 1870-мъ году. Этимъ закончилось освобожденіе всего русскаго населенія отъ внѣшней опеки. Я говорю: закончилось, конечно, въ томъ смыслѣ, что на этихъ реформахъ правительство успокоилось. Но достаточно быть хотя сколько-нибудь знакомымъ съ тѣми условіями, при которыхъ правительство проводило эти реформы, чтобы заранѣе быть увѣреннымъ въ ничтожности и негодности ихъ.

Я раньше показывалъ, что правительство при освобожденіи крестьянъ заботилось прежде всего и больше всего объ обезпеченіи матеріальныхъ, имущественныхъ интересовъ дворянства. Тѣмъ не менѣе главная масса дворянства очень недовѣрчиво и боязливо относилась къ этой реформѣ. Когда же дѣло было рѣшено безповоротно, дворяне стали плакаться, что они пожертвовали собой ради блага

отечества. И самъ царь дѣлалъ видъ, что онъ вѣритъ этому. Но разъ они жертвовали собой, то они за это могутъ надѣяться на вознагражденіе отъ царя. Такимъ образомъ нѣкоторая часть дворянства стала мечтать, — положимъ, не вслухъ, — о расширеніи своихъ политическихъ правъ. Нашлись, впрочемъ, и такіе смѣльчаки, которые рѣшились довести свои мечты до свѣдѣнія царя. Такъ, Безобразовъ написалъ записку, въ которой онъ сильно нападаетъ на царскую администрацію и превозноситъ доблести дворянскаго сословія; а 5 либеральныхъ депутатовъ, въ томъ числѣ Ункокскій, послали царю адресъ, въ которомъ они просятъ широкихъ реформъ. Это, конечно, были только единицы, большинство же либеральнаго дворянства осмѣливалось только шептаться о реформахъ, а громадная масса дворянства даже и не мечтала. Она была занята въ это время другимъ, болѣе практическимъ вопросомъ — какъ чище обобрать крестьянъ при ихъ освобожденіи. Царское правительство хорошо понимало, что ему опасность со стороны дворянъ не угрожаетъ: это избалованное дѣтище можетъ покапризничать, но оно не возстанетъ противъ своего возлюбленнаго монарха. Тѣмъ не менѣе либеральныя воздыханія стали раздражать его. На запискѣ Безобразова царь сдѣлалъ помѣтки: «вздоръ!», «непомѣрная наглость!», «надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать» и т. п. Унковскій былъ даже отданъ подъ надзоръ полиціи. Во всякомъ случаѣ правительство рѣшило поскорѣе съ этимъ покончить. Поэтому оно и поторопилось изданіемъ Земскаго Положенія. Одинъ видный государственный чиновникъ въ своей запискѣ такъ же объясняетъ причину торопливости введенія Земскаго положенія: «необходимо было», пишетъ онъ, «положить предѣлъ возбужденнымъ несбыточнымъ ожиданіямъ и сво-

боднымъ стремленіямъ разныхъ сословій». Вы видите, что реформа общественнаго самоуправленія, такъ же, какъ и крестьянская реформа, не была у насъ силой отвоевана у правительства какими-нибудь общественными классами. Правительство послѣ севастопольскаго пораженія само убѣдилось, что введеніе самоуправленія необходимо въ его собственныхъ интересахъ, и для огражденія этихъ-то интересовъ оно поторопилось съ введеніемъ реформъ. Но что же можно было хорошаго ждать отъ собственнаго почина правительства? Оно, конечно, прежде всего позаботилось, чтобы реформа самоуправленія не умалила его власти и не дала повода строптивымъ элементамъ общества къ соблазну.

Это ревнивое огражденіе самодержавія отразилось на реформѣ самоуправленія двоякимъ образомъ. Во 1-хъ, обывателямъ русскимъ было предоставлено управлять собой только въ мѣстныхъ дѣлахъ. Изданіе же законовъ для всей Россіи и управленіе общими дѣлами всей Россіи оставались исключительнымъ преимуществомъ самодержавнаго правительства. А для того, чтобы обыватели не перешагнули черезъ эту границу, все мѣстное самоуправленіе отдано было подъ наблюденіе высшей царской администраціи. Во 2-хъ, даже къ участію въ управленіи мѣстными дѣлами было допущено не все населеніе, а только надежные классы общества, надежные элементы. Кого же самодержавное правительство считало надежными? Конечно, тѣ классы, которые меньше всего имѣютъ основаніе роптать на свое положеніе и легче всего могутъ примириться съ существующими порядками. Въ глазахъ правительства въ то время надежными были только богатые и сытые. Поэтому правительство больше всего довѣрія оказало богатымъ землевладѣльцамъ; извѣстное довѣріе оно

оказало также купечеству; гораздо меньшее мелкимъ собственникамъ — крестьянамъ и мѣщанамъ; а всѣ неимущіе были лишены всякаго довѣрія и всякаго участія въ самоуправленіи.

Для того, чтобы убѣдиться въ истинности этихъ словъ, достаточно самаго бѣглаго ознакомленія съ нашимъ дворянскимъ, земскимъ и городскмъ самоуправленіемъ, введеннымъ въ эпоху «великихъ реформъ». Больше всего правъ сохранили дворянскія собранія, учрежденныя еще при Екатеринѣ, въ которыхъ принимаютъ участіе представители привилегированнаго дворянскаго сословія. За нимъ, какъ за самымъ богатымъ въ то время сословіемъ, были сохранены исключительныя права. Дворянскія собранія выбираютъ изъ своей среды предсѣдателя, такъ называемаго предводителя дворянства. Затѣмъ они имѣютъ право входить въ обсужденіе всѣхъ дворянскихъ нуждъ и могутъ даже въ интересахъ дворянства обращаться съ ходатайствомъ лично къ государю объ измѣненіи или дополненіи общихъ русскихъ законовъ.

Въ уѣздныхъ и губернскихъ земствахъ, учрежденныхъ Александромъ II-мъ въ 64-мъ году, принимаетъ участіе не одно дворянство, а лица разныхъ сословій, обладающія земельной собственностью, недвижимымъ имуществомъ или промышленнымъ заведеніемъ. Поэтому ихъ права уже гораздо болѣе ограничены. Во 1-хъ, они могутъ вступать въ обсужденіе только опредѣленныхъ нуждъ и притомъ главнымъ образомъ хозяйственныхъ: завѣдываніе крестьянскими имуществами, обезпеченіе народнаго продовольствія, завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями, заботы о земскихъ дорогахъ, о земскомъ страхованіи, забота о развитіи промышленности и торговли, попеченіе о народномъ здравіи, о народномъ образованіи и т. д. Во 2-хъ, постановленія земскихъ собраній должны

быть утверждаемы губернаторомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ, при чемъ, въ случаѣ спора земства съ губернаторомъ и министромъ, дѣло рѣшается въ сенатѣ. Въ 3-хъ, земскія собранія не могутъ сами изъ своей среды выбирать себѣ предсѣдателя: въ предсѣдатели имъ навязывается предводитель дворянства. Несмотря на ограниченность правъ земства, не говоря уже о неимущихъ классахъ, даже далеко не всѣ собственники уѣзда пріобрѣли одинаковое право участія въ выборѣ земскихъ гласныхъ. Въ губернское земство по Земскому Положенію посылаются представители отъ уѣздныхъ земствъ. Гласные же уѣздныхъ земствъ выбираются уѣздными землевладѣльцами, городскими и сельскими обществами. Но участововать въ выборахъ на съѣздахъ землевладѣльцевъ имѣютъ право не всѣ землевладѣльцы уѣзда, а лишь тѣ, которые имѣютъ извѣстное количество земли (извѣстный имущественный цензъ), въ нѣкоторыхъ уѣздахъ 800 десятинъ, въ нѣкоторыхъ 350, но нигдѣ не меньше 200 десят.; либо же тѣ, которые обладаютъ недвижимой цѣнностью не ниже 15 тыс. руб. или промышленнымъ заведеніемъ съ доходомъ не менѣе 6 тыс. руб. Въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ имѣютъ право участвовать либо купцы, имѣющіе купеческія свидѣтельства, либо владѣльцы промышленныхъ заведеній съ годовымъ оборотомъ не меньше чѣмъ 6000 р. или владѣльцы недвижимости опредѣленной цѣнности. Что касается крестьянъ, то они непосредственно не имѣютъ права избирать гласныхъ. Сельскія общества выбираютъ лишь выборщиковъ, а тѣ уже выбираютъ гласныхъ, но и эти гласные-крестьяне, въ отличіе отъ прочихъ «благородныхъ» гласныхъ, должны быть утверждены правительствомъ. Въ общемъ въ Россіи въ 80-хъ гг. изъ 100 уѣздныхъ земскихъ гласныхъ приходилось

землевладѣльцевъ 47, крестьянъ 40, а городскихъ представителей 12. Въ губернскія же собранія, конечно, вовсе не попадаютъ крестьяне.

Для того, чтобы вы имѣли наглядное представленіе о томъ исключительномъ довѣріи, которое наше самодержавное правительство оказало богатымъ землевладѣльцамъ при проведеніи земской реформы, чтобы вы убѣдились, что правительство все такъ называемое земское самоуправленіе отдало въ руки кучкѣ богатыхъ собственниковъ, — обратите вниманіе на слѣдующія цифры. Въ 8-ми центральныхъ и земледѣльческихъ губерніяхъ приходится одинъ гласный на 11 тыс. десят. надѣльной земли и три тысячи шестьсотъ пятьдесятъ душъ у крестьянъ, а у личныхъ собственниковъ одинъ гласный приходится на 6 тыс. десят. и 51 душу. Вы видите, 50 землевладѣльцевъ имѣютъ въ земскомъ самоуправленіи столько же правъ, сколько три съ половиной тыс. крестьянъ, а неимущіе вовсе никакихъ правъ не имѣютъ. Правительство оцѣнило душу землевладѣльца въ 70 разъ выше, чѣмъ душу крестьянина, и безконечно выше, чѣмъ душу пролетарія!

Таковъ былъ составъ нашихъ земствъ. Состоя изъ представителей однихъ только сытыхъ классовъ, они, конечно, были въ достаточной степени благонадежны, но за то они были способны искренне защищать интересы однихъ только имущихъ людей и не заслуживаютъ названія органовъ мѣстнаго самоуправленія всего населенія. Неудивительно, что крестьяне къ земскимъ повинностямъ относились такъ же недружелюбно, какъ и къ казеннымъ податямъ.

Сравнивая земства съ дворянскими собраніями, мы убѣдились, что правительство первымъ дало болѣе ограниченныя права, и именно потому, что въ земствѣ и крестьяне принимаютъ нѣкоторое участіе

наряду съ богатыми землевладѣльцами. Въ городскомъ самоуправленіи участіе дворянства самое ничтожное; тамъ участвуютъ главнымъ образомъ купцы и мѣщане. Къ этимъ сословіямъ, которыя въ то время значительно уступали въ богатствѣ дворянству, правительство питало меньше довѣрія, чѣмъ къ дворянству. Вслѣдствіе этого права, дарованныя правительствомъ городамъ Положеніемъ 70-го года, гораздо болѣе ограничены, чѣмъ права земства. Прежде всего это показываетъ самая организація городского самоуправленія. Земство состояло, какъ извѣстно, изъ двухъ учрежденій, изъ земскаго собранія и земской управы. Земское собраніе, состоящее изъ гласныхъ, избранныхъ населеніемъ, имѣетъ право обсуждать вопросы и дѣлать постановленія; оно же имѣетъ своего предсѣдателя — предводителя дворянства. Земская же управа состоитъ изъ членовъ управы и предсѣдателя, которые всѣ назначаются земскимъ собраніемъ. Обязанность земской управы чисто исполнительная — она должна только приводить въ исполненіе постановленія земскаго собранія и давать ему во всемъ отчетъ. Въ городскомъ самоуправленіи тоже имѣлись соотвѣтственныя два учрежденія: городская дума — совѣщательное учрежденіе, состоящее изъ выборныхъ городскихъ гласныхъ и городская управа — исполнительное учрежденіе. Но, въ отличіе отъ земства, въ городскомъ самоуправленіи городской голова состоитъ предсѣдателемъ одновременно и въ городской думѣ, и въ городской управѣ, а въ небольшихъ городахъ вся городская управа совмѣщается въ одномъ лицѣ городского головы. Это, повидимому, незначительное обстоятельство уничтожило въ корнѣ самостоятельность выборной городской думы. Въ самомъ дѣлѣ, городская управа обязана давать отчетъ городской думѣ, а такъ какъ у нихъ общій

предсѣдатель, то выходитъ такъ, что городской голова долженъ самъ у себя требовать отчета и самъ себя провѣрять. Ясно, что при такихъ условіяхъ городская дума имѣетъ мнимую власть и мнимый контроль надъ своей управой. Мало того, она находится совершенно въ рукахъ городского головы, потому что городской голова, если онъ недоволенъ постановленіемъ думы, можетъ его обжаловать губернатору (губернскому присутствію). Въ концѣ концовъ правительственный чиновникъ — губернаторъ черезъ посредство городского головы можетъ ворочать городскими дѣлами, какъ ему заблагоразсудится.

Но и этого мало. Городское самоуправленіе, какъ извѣстно, взимаетъ съ городскихъ обывателей налоги. Куда же идутъ эти деньги? Конечно, на городскія дѣла, скажетъ всякій, на городское хозяйство, на городское благоустройство, т. е. на очищеніе улицъ, на водопроводы, школы, больницы и т. д. Это не совсѣмъ вѣрно, или даже совсѣмъ не вѣрно. Конечно, законъ разрѣшаетъ думѣ тратить деньги на городскія нужды, но раньше чѣмъ составить смѣту этихъ расходовъ, городская дума обязана опредѣленную сумму денегъ выдѣлить на казенныя надобности, на воинскій постой, на казармы, на тюрьмы, на полицію, на жандармовъ и т. д. — словомъ, на такія дѣла, надъ которыми города не имѣютъ ни контроля, ни власти и куда они не смѣютъ и носа совать. И не думайте, что эти обязательные городскіе расходы маленькіе. Въ послѣднее время обязательные расходы на постой войскъ, на полицію, на тюрьмы въ главнѣйшихъ русскихъ городахъ (Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Рига, Кіевъ, Харьковъ) составляли около четверти всѣхъ городскихъ расходовъ. Въ прочихъ городахъ обременительность этихъ обязательныхъ расходовъ еще гораздо выше. Въ Кіев-

ской и Черниговской губ. напр. они превышали въ началѣ 80-хъ годовъ всю сумму обыкновенныхъ городскихъ расходовъ. Въ Козловѣ при бюджетѣ въ 65 тыс. руб. обязательные казенные расходы города составляли около 37 тыс. руб. и т. д. При этомъ нужно имѣть въ виду, что обязательные расходы городовъ на полицію, жандармовъ, тюрьмы и т. п. имѣютъ наклонность постоянно увеличиваться: въ нѣкоторыхъ городахъ Черниговской губерніи они увеличились за 10 лѣтъ вдвое, даже вчетверо.

Вы видите, насколько смѣхотворно то самоуправленіе, которое правительство даровало городамъ. И несмотря на это, оно позаботилось, чтобы къ этому самоуправленію получили доступъ только богатые классы городского населенія. По Городовому Положенію 70-го года выбирать гласныхъ думы имѣютъ право тѣ, у которыхъ есть купеческое свидѣтельство, промысловое свидѣтельство, прикащичье свидѣтельство I-го разряда, недвижимая собственность, — словомъ, тѣ, которые платятъ въ пользу города постоянный налогъ. Квартиронаниматели и пролетаріи лишены избирательныхъ правъ, несмотря на то, что домохозяева перекладываютъ свой налогъ на квартирную плату, несмотря даже на то, что дума имѣетъ право ходатайствовать объ установленіи налога непосредственно съ квартиронанимателей. Но и сами собственники далеко не въ равной мѣрѣ участвуютъ въ городскомъ самоуправленіи. У насъ въ этомъ отношеніи была установлена извѣстная трехклассная система, а она означаетъ вотъ что. Всѣ горожане, пользующіяся правомъ выбора, дѣлятся на 3 класса. Къ 1-му классу принадлежатъ богатѣйшіе обыватели, которые больше другихъ платятъ городскихъ налоговъ и въ суммѣ уплачиваютъ треть всѣхъ городскихъ налоговъ. Ко 2-му классу принадлежитъ бо́льшее ко-

личество менѣе богатыхъ собственниковъ, изъ которыхъ каждый платитъ меньше первыхъ, но которые вмѣстѣ въ суммѣ тоже уплачиваютъ треть городскихъ налоговъ. Къ послѣднему классу принадлежитъ вся остальная масса наименѣе состоятельныхъ городскихъ собственниковъ, которые въ суммѣ тоже уплачиваютъ треть всѣхъ налоговъ. Всѣ эти три класса имѣютъ право выбирать одинаковое число гласныхъ. Такимъ образомъ, первый классъ посылаетъ въ думу столько же гласныхъ, сколько третій классъ, хотя въ этомъ классѣ, можетъ быть, въ нѣсколько сотъ разъ меньше людей, чѣмъ въ 3-мъ классѣ, и хотя та копейка, которую платитъ обыватель 3-го класса, для него дороже, чѣмъ рубль, который платитъ горожанинъ 1-го класса.

Я сдѣлалъ краткій обзоръ главныхъ реформъ царствованія Александра II-го. Недостатокъ мѣста не позволяетъ говорить о судебной реформѣ, о введеніи всеобщей воинской повинности и о другихъ болѣе мелкихъ реформахъ. Теперь я хочу отмѣтить одну особенность, которая бросается въ глаза во всѣхъ реформахъ Александра II-го и которая свидѣтельствуетъ о поворотѣ во внутренней политикѣ царскаго правительства.

VI.

Сословныя привилегіи уступаютъ мѣсто имущественнымъ.

Если вы вникните въ сущность реформъ городского и земскаго самоуправленія и крестьянской реформы, то вы найдете въ нихъ одно новое основное правило или, какъ говорится, одинъ новый принципъ, котораго законы старой, крѣпостной Россіи не знали.

Начнемъ съ городского самоуправленія. До ре-

формы 70-го года городскіе обыватели принимали участіе въ городскихъ дѣлахъ по сословіямъ. Когда въ 1862 г. по распоряженію правительства были учреждены въ городахъ комиссіи свѣдущихъ людей изъ городскихъ собственниковъ для выработки проектовъ новаго Городового Положенія, эти комиссіи высказали много жалобъ на старые порядки. Онѣ были недовольны тѣмъ, что города имѣютъ очень ограниченныя права, это чиновники забрали въ городахъ слишкомъ много власти. Нѣкоторыя комиссіи предлагали, чтобы полиція назначалась городомъ и дѣйствовала подъ его контролемъ. Нѣкоторая часть комиссіи, — правда, меньшинство, — указывала на то, что «умъ въ совѣтѣ много значитъ» и что поэтому надо привлечь къ городскому самоуправленію людей болѣе образованныхъ, напр. духовенство и кончившихъ гимназію. Но въ одномъ отношеніи громадное большинство комиссій (443 изъ 509) осталось вѣрнымъ старинѣ: онѣ говорили, что городское общество должно быть раздѣлено на разныя сословія, по занятіямъ, по правамъ состоянія, по владѣнію собственностью и по религіи и что каждое изъ этихъ сословій должно посылать своихъ депутатовъ въ городское самоуправленіе соотвѣтственно со своей численностью. Напримѣръ, одна комиссія дѣлила городское общество на слѣдующія сословія: 1) дворяне, разночинцы и почетные граждане, владѣющіе недвижимостью, 2) купцы-христіане, 3) купцы-евреи, 4) граждане (?), 5) мѣщане-христіане, 6) мѣщане-евреи и 7) ремесленники.

Какъ же отнеслось правительство къ этимъ пожеланіямъ городскихъ собственниковъ, высказаннымъ въ проектахъ комиссій? Во 1-хъ, правительство вовсе не соглашалось вводить тѣ новшества, за которыя высказывалась большая или меньшая часть комиссій, т. е. значительно расширить права городского общества въ ущербъ администраціи и

допустить къ участію въ городскихъ дѣлахъ людей интеллигентныхъ безъ собственности. Но въ то же время правительство отнеслось несочувственно и къ той старинѣ, которую отстаивали города, т. е. къ раздѣленію общества на сословія. Уже въ инструкціи, которую Валуевъ далъ для руководства комиссіямъ, указывалось на «необходимость опредѣлить принадлежность къ городскому обществу независимо отъ сословій, по праву собственности». Вы видѣли, что это мнѣніе Валуева легло въ основаніи Городового Положенія 70-го года. По этому положенію выборное право въ городахъ имѣютъ всѣ лица, которыя платятъ городу деньги, какого бы они сословія ни были. Для опредѣленія степени участія въ городскомъ самоуправленіи городское общество опять-таки дѣлится не на болѣе или менѣе привилегированныя сословія, а на три класса по имуществу. Чѣмъ классъ богаче, тѣмъ больше его участіе въ самоуправленіи. Ясно, что правительство стало обращать больше вниманія на богатство, чѣмъ на принадлежность къ извѣстному сословію. Въ объяснительной запискѣ правительства къ проекту необходимость трехклассной системы объясняется такъ: «представительство... всѣхъ членовъ или элементовъ общества должно соотвѣтствовать ихъ общинному и политическому значенію». Этимъ правительство хочетъ сказать, что богатые люди имѣютъ больше значенія въ общинѣ и должны имѣть больше политическихъ правъ. Правительство, очевидно, начинаетъ считать богатство лучшей опорой престола и отечества. Въ этомъ заключается задняя мысль правительства, издавшаго законъ 70-го года. Одинъ членъ совѣта министровъ, Семеновъ, оспаривая проектъ, говорилъ, что «наниматели квартиръ представляютъ изъ себя элементъ не менѣе консервативный, чѣмъ землевладѣльцы». Онъ, очевидно, понималъ, что

правительство даетъ больше правъ богатымъ классамъ, не только какъ важнымъ союзникамъ государства, но и какъ болѣе благонадежнымъ, болѣе консервативнымъ.

Указанный мной новый взглядъ правительства ярко высказался также и въ Земскомъ Положеніи 64-го года. По этому закону участвовать въ выборѣ земскихъ гласныхъ имѣетъ право всякій, который имѣетъ извѣстный имущественный цензъ, т. е. извѣстное количество земли, извѣстной цѣнности недвижимость и извѣстныхъ размѣровъ промышленное заведеніе, а также сельскія общества, какъ собственники мірской земли. При этомъ совершенно не принимается въ разсчетъ, къ какому сословію принадлежатъ избиратели. Важно только, сколько у избирателя имущества: чѣмъ онъ богаче, тѣмъ больше его избирательныя права. Конечно, въ земствахъ главное участіе предоставлено было дворянамъ; но не потому, что они принадлежали къ привилегированному дворянскому сословію, а потому, что въ ихъ рукахъ было тогда все крупное землевладѣніе. Если бы дворянскія земли перешли въ руки богачей изъ купеческаго или изъ крестьянскаго сословія, то и участіе этихъ сословій въ земскомъ самоуправленіи увеличилось бы. Такъ оно послѣ и случилось. Во всякомъ случаѣ въ Земскомъ Положеніи 64-го года даже не упоминается слово дворянинъ, а говорится все лишь о землевладѣльцахъ.

Ярче всего этотъ новый взглядъ правительства на сословія и на богатство сказался въ крестьянской реформѣ 61-го года. Я разсказывалъ раньше, что правительство при проведеніи этой реформы ограждало исключительно имущественные интересы дворянъ. Они получили даромъ третью часть лучшей земли, которую крестьяне по справедливости считали своей, а за остальную землю, которой

были надѣлены крестьяне, они получили милліардъ рублей, хотя эта земля стоила вдвое дешевле и хотя они на нее никакихъ правъ не имѣли. Дворяне по существу получили рознагражденіе не только за землю, но и за личность освобожденныхъ крестьянъ, потому что оброкъ, установленный въ ихъ пользу, опредѣлялся не качествомъ земли, а тѣмъ, сколько крестьянинъ можетъ заработать въ данной мѣстности — его платежной способностью. Но какой же смыслъ имѣла эта реформа? Правительство вознаградило дворянъ за захваченную ими собственность на народное достояніе и на народный трудъ и такимъ образомъ закрѣпило за ними ихъ прежнее богатство. Но при этомъ дворяне лишились всѣхъ своихъ главныхъ сословныхъ привилегій — исключительнаго права владѣнія помѣстьями и исключительнаго права распоряжаться свободой и личностью милліоновъ крестьянъ. Правительство, какъ вы видите, отстаивая интересы дворянъ, имѣло въ виду не защиту сословныхъ правъ доврянъ, а ихъ имущественныхъ правъ. Оно поддерживало дворянъ не какъ привилегированное сословіе, а какъ классъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Отдавая землю и деньги дворянамъ, оно нисколько не позаботилось, чтобы эта земля осталась въ родовомъ владѣніи потомственнаго дворянскаго сословія. Послѣдствія этого скоро сказались: послѣ реформы дворянскія земли стали довольно быстро переходить въ руки купечества и разбогатѣвшихъ крестьянъ. Правительство, стоявшее въ центрѣ русской жизни, ясно видѣло, что главная грядущая сила — богатство и потому оно широко раскрыло двери народившемуся въ Россіи капиталу и приняло его съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ.

VII.

Итоги.

Реформы Александра II-го составляютъ одну изъ самыхъ поучительныхъ страницъ русской исторіи. Это былъ моментъ перелома въ русской жизни. Въ подобные историческіе моменты обыкновенно выступаютъ наружу всѣ скрытыя силы, движущія и направляющія народную жизнь. Что же намъ обнаружила исторія реформъ? Какія причины вызвали эти внезапныя перемѣны и въ чемъ заключалась суть этихъ перемѣнъ?

Въ старой Россіи, съ ея неразвитымъ хозяйствомъ и съ ея скудными средствами, народу приходилось напрягать черезъ мѣру всѣ свои силы и неволить себя, чтобъ удовлетворить требованіямъ опекавшаго его государства. Въ интересахъ государства населеніе распалось на сословія. Лица каждаго сословія были прикрѣплены къ своей профессіи и должны были изъ поколѣнія въ поколѣніе оказывать государству и его органамъ тѣ услуги, которыя соотвѣтствовали ихъ профессіи. Всѣ сословія были прикрѣплены къ своему мѣсту или къ своему занятію ради служенія государству; но въ то время, какъ высшія, привилегированныя сословія пользовались всѣми выгодами отъ государства, низшія, податныя сословія, тянувшія трудовую лямку, испытывали только его тягостное, несносное бремя. Такимъ образомъ, земледѣльческая Россія, ощущавшая потребность въ государственной защитѣ и опекѣ, постепенно была скована прочнымъ сословно-крѣпостнымъ порядкомъ.

Порядки, выгодные господствующимъ классамъ, далеко не такъ легко мѣняются, какъ жизнь, создавшая ихъ. Въ жизни народной измѣненія происходятъ незамѣтно, изо дня въ день, а установившійся законный порядокъ можетъ вѣкъ продер-

жаться, покуда эти накопившіяся измѣненія не образуютъ въ немъ трещины или не опрокинутъ его. Такъ было и у насъ.

Подъ покровомъ стараго крѣпостного порядка, въ нѣдрахъ народной жизни медленно, но непрерывно совершались перемѣны. Народное хозяйство постепенно развивалось. Промышленность и земледѣліе производили все больше товаровъ на сбытъ, все болѣе развивались торговля и обращеніе денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обогащалась и казна; деньги стали играть главную роль въ государствѣ. Постепенно исчезали тѣ причины, которыя создали сословно-крѣпостной строй жизни. Государство больше не нуждалось въ крѣпостной запряжкѣ всѣхъ сословій. Ему нужны были деньги, деньги и деньги, которыми теперь приводилась въ движеніе вся государственная машина. Но привилегированное дворянское сословіе, присосавшееся къ народу, цѣпко держалось за свои пріобрѣтенныя права: освобожденное государствомъ отъ обязательной службы, оно тѣмъ не менѣе сохранило всѣ свои старыя привилегіи.

Крѣпостной порядокъ, установленный въ интересахъ государства, сталъ съ теченіемъ времени не только тисками для народа, но и обузой для самого государства. Измѣнившееся государственное хозяйство нуждалось въ быстромъ накопленіи богатствъ въ странѣ. А между тѣмъ свободный ростъ промышленности тормозился исключительными привилегіями однихъ сословій и безправностью другихъ, прикрѣпленіемъ людей къ своей профессіи, къ своей землѣ, къ своему состоянію и тягостной опекой чиновниковъ надъ всей жизнью обывателей.

Въ царствованіе Николая I-го для всѣхъ дальновидныхъ людей ясно было, что сословно-крѣпостной строй потерялъ всякій смыслъ и заражаетъ гніеніемъ всю русскую жизнь. Несмотря на тяжелыя

цензурныя условія, вопросъ этотъ по существу былъ выясненъ литературой. Но кто могъ его тогда практически рѣшить въ жизни? Даже тѣ общественные классы, которымъ предстояло въ будущемъ воспользоваться всѣми плодами реформъ и стать хозяевами въ освобожденной Россіи, даже они не смѣли поднять голосъ противъ отжившихъ порядковъ; они даже въ массѣ не сознавали, насколько для нихъ важны реформы. Вопросъ давно назрѣлъ, но не созрѣли еще общественныя силы для его рѣшенія.

При полной подавленности общественной жизни судьба Россіи была въ рукахъ самодержавнаго правительства. Оно могло на все дерзнуть при соблюденіи извѣстныхъ условій. Его воля была закономъ, покуда ему удавалось поддерживать видимое могущество русской державы — внѣшнюю безопасность Россіи, покуда оно не сталкивалось съ насущными матеріальными интересами дворянства — самаго богатаго и вліятельнаго класса того времени, покуда, наконецъ, туманъ, окутавшій сознаніе народныхъ массъ, поддерживалъ слѣпую вѣру народа въ царя.

Какъ же это правительство относилось къ вопросу о рефомахъ? Оно давно сознавало, что крѣпостные порядки, не соотвѣтствуя больше требованіямъ жизни, подрываютъ силу государства. Съ этой стороны, какъ государственная власть, оно было заинтересовано въ реформахъ. Но съ другой стороны, правительству было дороже всего на свѣтѣ сохраненіе безграничнаго самодержавнаго произвола; а этотъ ядовитый цвѣтъ можетъ пышно распуститься только въ рабской странѣ, гдѣ заглушены всѣ живые побѣги, тянущіеся къ свѣту и свободѣ. И вотъ, ради прочности самодержавія, правительство закрывало глаза на свои собственные государственные интересы, трусливо отсрочивало рѣшеніе вопроса о реформахъ и пришивало заплаты

къ устарѣлому крѣпостному законодательству. Оно настолько страшилось новшествъ, что иногда не рѣшалось даже публиковать собственные новые законы. Такъ напр. законъ 21-го февраля 55 г. объ освобожденіи отъ плетей женщинъ и слабосильныхъ преступниковъ, во избѣжаніе соблазна, не былъ обнародованъ и былъ сообщенъ секретно для руководства губернаторамъ.

Прочнымъ и незыблемымъ казался крѣпостной строй въ Россіи, ревниво оберегаемый самодержавнымъ правительствомъ, но только до перваго серьезнаго испытанія, до столкновенія Россіи съ Западной Европой. Севастопольская война обнажила всѣ скрытыя язвы русской жизни.

Правительство было посрамлено и сразу потеряло ореолъ всемогущества. Никто внутри Россіи еще не оспаривалъ его власти, но оно потеряло голову и было вынуждено само обратиться къ содѣйствію дремлющихъ силъ народныхъ для водворенія новыхъ порядковъ. Тяжелыя испытанія побудили правительство торопливо взяться за реформы.

Чтобы оцѣнить характеръ этихъ реформъ, нужно помнить, что онѣ были вынуждены не силой общественной оппозиціи, которая еще тогда не созрѣла, а банкротствомъ стараго государственнаго управленія, которое долго замалчивалось: не общественные классы вынудили самодержавное правительство сдѣлать имъ какія-либо политическія уступки, а напротивъ того, само самодержавное правительство призвало общественныя силы на помощь себѣ для укрѣпленія своей государственной позиціи.

Эти условія возникновенія реформъ наложили на нихъ рѣзкій отпечатокъ. Во-первыхъ, правительство лишь настолько ослабило путы, связывавшія Россію, чтобы дальнѣйшее экономическое

развитіе ея стало возможнымъ и чтобы государство могло извлечь всѣ выгоды изъ этого развитія. Оно ни на минуту не ослабило нестерпимаго надзора за народомъ и принимало всевозможныя мѣры, чтобы развязанныя у общества руки не коснулись коренного источника произвола — самодержавнаго скипетра. Во вторыхъ, правительство, оставшееся вѣрнымъ своимъ преданіямъ, проводя реформы, принимало близко къ сердцу только интересы обезпеченныхъ классовъ, съ которыми оно было тѣсно связано, какъ безконтрольный раздатчикъ всѣхъ «теплыхъ мѣстечекъ» и «лакомыхъ кусочковъ» и какъ руководитель государственной и финансовой политики. Въ третьихъ, правительство рѣшительно перемѣнило старую сословную политику на новую буржуазную опять-таки изъ государственныхъ соображеній, потому что интересы государства требовали теперь не сословныхъ перегородокъ, а свободной конкурренціи, потому что могущество государства зависѣло теперь не отъ сословныхъ повинностей, а отъ накопленія богатства. Поэтому-то со времени реформъ старый союзъ между государствомъ и привилегированными сословіями замѣнился новымъ союзомъ между государствомъ и имущими классами противъ всего народа.

Реформы 60-хъ годовъ — не революція, сдѣланная народомъ, а преобразованія, сдѣланныя правительствомъ; поэтому онѣ преслѣдовали прежде всего не народные, а государственные интересы.

Тѣмъ не менѣе нравственное и общественное значеніе этого историческаго момента огромно, и мы до сихъ поръ живемъ подъ его знаменіемъ. Открыто признанное безсиліе опекавшихъ Россію властей пробудило человѣческое достоинство и самосознаніе униженныхъ и оскорбленныхъ, но нравственно крѣпкихъ элементовъ русскаго народа. Паденіе цѣпей, сковывавшихъ экономическое раз-

витіе Россіи, разбудило, правда, хищническіе инстинкты эксплуататоровъ народнаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно призвало на историческую арену пролетаріатъ, который теперь одинъ во всемъ мірѣ высоко держитъ знамя свободы, равенства и братства людей, знамя соціализма!

Оглавленіе.

Соціально-политическая библіотека

1. **А. Мартыновъ.** Историческій очеркъ нашихъ порядковъ
2. **А. Ельницкій.** Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи
3. **Л. Троцкій.** Перспективы русской революціи
4. **С. Бахъ.** Царь-Голодъ. Популярные экономическіе очерки